

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**ИСПОВЕДЬ
БЕЗ ГЕРОЯ**

Оглавление

О КНИГЕ.....	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ЧАСТЬ 1.....	10
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	42
Глава 10	44
Глава 11	48
Глава 12	50
Глава 13	56
Глава 14	62
Глава 15	65

Глава 16.....	69
Глава 17.....	71
Глава 18.....	73
Глава 19.....	74
Глава 20.....	76
Глава 21.....	79
Глава 22.....	82
Глава 23.....	86
Глава 24.....	88
Глава 25.....	91
Глава 26.....	92
Глава 27.....	96
Глава 28.....	103
Глава 29.....	106
<i>Глава 30.....</i>	<i>113</i>
Глава 31.....	116
Глава 32.....	121
Глава 33.....	126
Глава 34.....	131
Глава 35.....	134
Глава 36.....	137
Глава 37.....	138

Глава 38	140
Глава 39	143
Глава 40	146
Глава 41	149
Глава 42	150
Глава 43	153
Глава 44	160

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

Ирреальность происходящего зачастую зависит от разницы между тем, как видим окружающий мир мы, – и те, кто общается с нами.

С одной стороны,-- явная психопатологичность характеров главных героев романа – как будто может вызывать у окружающих только смех и недоумение от их поступков, выпадающих из общепринятых норм поведения.

Но так ли это?

Быть может это только первый, и слишком поверхностный взгляд? А на самом деле – вся кажущаяся «ненормальность» поведения главных героев – от «ненормальности» современного мира?

А может и не существует на самом деле всех этих чудачков, которых мы приняли за главных героев романа? А главный герой – только один? Просто в зависимости от возникновения тех или иных ситуаций – он надевает ту или иную «маску»; вымышленный образ, который придумал для себя, и которому бессознательно стремятся соответствовать и многие из нас, желая часто выдать желаемое – за действительное. Ведь «маска» -- лишь способ выживания, способ приспособляемости к общению с окружающими.

Правда и вымысел, кажущаяся нереальность – и самая настоящая действительность... Много вопросов. Но, наверное, и не существует какого-то одного ответа. Каждый находит ответ для себя. Ведь каждый видит что-то совсем не так, – как это замечает другой. Мы смотрим зачастую под разными углами зрения. И от того всегда замечаем что-то, – чему кто-то другой – совсем не придал никакого значения.

Лабиринт событий, образов, поступков героев – все это приводит к поиску незримой нити, связывающей сознание – и бессознательное; бессознательное, которое иной раз и довлеет над нами. Вынуждая иной раз попадать в комичные и нереальные ситуации; в те самые, в которые попадают и герои романа «Исповедь без героя».

Но роман «Исповедь без героя»,-- это ведь еще и Исповедь. Исповедь о нашей жизни. О поиске своего «Я». И совсем не важно, в каком городе происходит повествование. Потому что, с равным успехом – подобное возможно и в Санкт-Петербурге, и в Берлине, и в Париже, и в Лондоне, и в Нью-Йорке... Это возможно с людьми, живущими в любом городе мира. Потому что у каждого из них,-- есть душа. И каждый ищет какой-то смысл жизни. И каждый пытается ответить (хотя бы для себя) на извечные вопросы существования человечества. И тогда уже этот роман, – быть может и есть один из взглядов на окружающий мир. Попытка постичь какие-то законы мироздания. Попытка найти ответы на извечные вопросы существования человечества...

С.А.

Зелинский

**Исповедь
без героя**

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский
Исповедь без героя

С. А. Зелинский.
Исповедь без героя. Роман.— CANADA.:
Altaspera Publishing & Literary Agency Inc, 2014. —
136 с.

ISBN 9781304869760

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной
книги не может быть воспроизведена в какой бы
то ни было форме без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

роман

Исповедь без героя

"...настоящая, неопровержимая, решительно ничем... неиссякаемая истина - только физическая боль".

Ф. Кафка.

Предисловие

Я не знаю. Быть может, посредством невероятных усилий - или всеобщей глупости - я взвалил на себя непосильные обязательства, и, тем самым, себя же, -- загнал в угол. Или почти загнал. Но если не стоило когда-то (когда это началось?) делать так, неужели тогда у меня действительно был какой-либо иной выход? Да не было у меня альтернативы. Как нет и сейчас. Но тогда выходит, весь пройденный путь оправдан? Выходит. Хотя, я допускаю, что в целях "самооправдания", еще можно и не такое признать. Но если и это верно, тогда что же я делаю, как говориться, здесь и сейчас?! Оправдан ли этот добровольный уход от всех? Мотивированно ли добровольное затворничество? Или это больше напоминает на отшельничество? Да какая, в общем-то, разница? Суть то одна. Вряд ли есть кто в радиусе нескольких километров... (Термин-то какой?! математический... Или слишком смахивающий на используемый поисковыми службами... Радиус... Сектор... Сектор чего? Обстрела? Или ты думаешь, что тебя будет кто-то искать? Ты думаешь... Впрочем, да, - я думаю... Хотя, способен ли я еще думать?... Адекватно оценивать обстоятельства? Не сомневаться, а твердо - с поражающей своей чистотой

ясностью - принимать действительно верные решения?.. Вопрос...).

Но неужели я так далеко забрался?.. И сколько шел-то?.. День?.. Два?.. Сейчас мне кажется, что это вполне могла быть и неделя... Целая неделя? Да ты, друг мой, совсем спятил... Спятил... Да, я спятил... Но не совсем... Извини, но мне все же кажется, что ситуация с твоей стороны немного - или слишком - утрирована... Хотя да... Вопрос ведь - могу я адекватно оценивать сложившиеся обстоятельства... Хотя не я ли сам, как говориться, себя в них поставил?.. А раз так - не дает ли это мне мельчайшее (по своему процентному отношению) право судить о себе, без каких-либо долей условностей, да вероятностей?.. Ты не согласен?.. Впрочем, требуется ли согласие с собой?.. Быть может это очередной обман (и в высшей мере заблуждение?), и подобный диалог (или все же монолог?) не несет в себе никакой положительной направленности? Ну да ладно. Опять, как говориться, в очередной раз пытаешься обмануть самого себя?! Ведь разве не ты сам утверждал, что внутренний диалог - есть неременнейшее условие роста индивида как личности (по моему так, да?). Пытаешься сейчас обмануть сам себя? Или все же слишком глубоко сидит потаенное желание (и необъяснимое стремление) казаться глупее, чем есть. Это что - очередной способ самоутверждения? А не подумал ли ты, что, быть может, это и не совсем оправданно... Ну, в смысле, вообще даже не нужно... Распалился... Что это я так распалился?..

Часть 1

Глава 1

Советский Союз. Ленинград. Начало "перестроечных" времен. Лев Маркович Розенталь, двадцатидевятилетний докторант филологического факультета ЛГУ, сидел в собственной - недавно полученной (на Гражданке) однокомнатной квартире - и обдумывал дальнейшие пути творческого роста. Перспектива была весьма заманчивая. Через год защита диссертации. Вероятность получения кафедры. Год-два-три - и профессорского звания. Правда смущало его (кого подобная перспектива вообще могла смущать?) другое. В стране начались - "необратимые" перемены. А вот он, как бы, выпадал из всеобщего - и как ему казалось действительно охватившего всех - "процесса". Или он все же забегает несколько вперед... Неужели так уж все поддались призыву "партии и правительства" к изменениям; изменениям, прежде всего, в своем сознании? Нет, конечно, часть из его ближайших знакомых (хм, ближайших? И это с его-то необщительностью, если не сказать вообще - нелюдимостью?...)... И все же,-- часть из его некоторых (или все же ближайших?) знакомых, бросили (именно в подобной трактовке - "бросили", а не как им кажется: "временно оставили") бесперспективную, в свете начавшихся изменений, карьеру ученых, подавшись "на вольные хлеба" (т. е., как считал Лев Маркович, соблазнившись "легким" заработком, и пойдя в услужение к "кооператорам"). Кто-то, впрочем, сам стал таким. Новым хозяином жизни,-- как недовольно вздыхал Розенталь.

Хотя, кто бы, что, не говорил, а Лев Маркович не понаслышке знал о трудностях подобного вида деятельности. Его родной брат - близнец, Генрих, когда-

то, также как и он, защитивший кандидатскую диссертацию (правда, по экономике),-- уже как год "поставил крест" на карьере ученого, организовав кооперативное кафе, где сам же, пока, и работал за повара (готовить он всегда любил), да официанта. (Чуть позже, правда, ему пришлось взять небольшой штат). Правда, брат оказался в несколько в выигрышном положении. Во-первых, знание экономической теории. Во-вторых, в юности он серьезно занимался вольной борьбой; выполнив в 17 лет (бросил борьбу -- в 18) норматив мастера спорта. Так что, местная "братва" уважительно обходила "товарища по сборной" стороной.

Но что до Льва Марковича, он нисколько не собирался заниматься бизнесом. Для него было намного ближе сидеть в тиши собственного кабинета, оградив себя от окружающего мира, и копаться в книгах, написанных другими. И пусть Генрих (брат) порой презрительно смеялся над "никому не нужными" открытиями. Это был вопрос спорный. И древний. И решать что "первично" материя или сознание - было решать не Генриху. О чем Лев Маркович и намекнул брату.

К тому же, Лев Маркович изначально выбрал науку, которая только косвенно влияла на события текущей жизни. (Вероятно,-- общая "специфика" гуманитарного профиля). И он никогда и не стремился приложить полученные знания к реальной жизни. Чувствуя себя одним из "избранных", Лев Маркович тайно подпитывался этой идеей. И для него - это было несравненно больше богатств, которые вскоре стал накапливать (дела шли удачно) его брат.

Труды же Розенталя, больше подходили тем, кто уже получив предварительную, начальную, базу - решил не останавливаться "на достигнутом".

Лев Маркович занимался литературоведением. Ему было интересно анализировать, разбирать, раскладывая на мельчайшие составляющие литературный текст; выискивать и сопоставлять детали, замеченные или не замеченные другими исследователями; нравилось обнаруживать подводные камни ("заботливо" запрятанные автором); находить в тексте что-то не замеченное и самим автором, интерпретируя смысловое значение известных всем строчек (Розенталь специализировался на зарубежной литературе XX века) с каких-то новых позиций.

Помимо науки, Лев Маркович занимался еще и преподавательской деятельностью.

В детстве, перенеся очередное (болел он часто) заболевание верхних дыхательных путей (скорее всего, обычная простуда переросла в воспаление легких), он твердо решил заниматься спортом и закаляться. И как-то, поддавшись на уговоры одноклассника Славика Слободина (было им тогда лет по 9-10) сбежал вместе с ним из дома, с решимостью (которой никогда раньше не отличался) намереваясь покорить какую-нибудь гору (уральского хребта, например, неподалеку от которого находился их город).

У Зои Карловны (мамы Левы Розенталя), если бы она заметила в момент этой самой "решимости" глаза своего сына,-- вероятно, появился бы очередной повод задуматься: "о неисповедимых путях господних...". Будучи правоверной иудейкой, Зоя Карловна весьма набожно относилась к вопросам воспитания детей, предпочитая растить их в духе и

смирении (держа, как бы заодно, и в крепком кулаке). Интересно, что все это нисколько не мешало ей "разносить в пух и прах" (на своих лекциях по атеизму) "божественность проведения". Она была лектором местного горкома партии. И в пору было действительно воскликнуть: "Неисповедимы пути Господни!".

Но, как бы то ни было, мальчики решили доказать (быть может, в первую очередь - самим себе) существование у них воли и отваги. (А еще: смелости, характера, силы, и т. п. качеств, о которых они читали в книгах. А, учитывая, что свою лепту вносили еще и киногерои, -- почему-то все как на подбор невероятно смелые и отважные, -- то вполне можно было заключить, что каких-либо шансов "отступить" - у наших маленьких друзей не было).

Тогда, мало кто из взрослых понял, что произошло. Но когда "беглецов" через несколько дней, казалось, безуспешных поисков все же нашли (чудом... чудом...), то состояние детей было жуткое. Вернее, в живых перед поисковиками предстал только один мальчик - Лева, который, грязный и оборванный (и, как оказалось позже, -- с тяжелой травмой психики) сидел возле тела "разбившегося" при падении со скалы друга.

После этого, Лев, - а его отец, Марк Станиславович, буквально за день до того как их нашли, -- слег "с инфарктом" в больницу (и врач признался, что шансы на выздоровление - минимальны) - внезапно перестал говорить (как говориться - вообще). И только через год, когда Зоя Карловна (ее муж, почувствовав внезапное улучшение "отпросился домой", где и умер "от разрыва сердца", только переступив порог и увидев

то состояние, в котором пребывал его сын, у которого начала прогрессировать шизофрения), перебрав множество врачей и не меньшее количество "народных целительниц" ("бабок") уже была готова в бессилии опустить руки (давно уже отказавшись и от веры, и от атеизма, и сама уже находилась в некоей прострации, потеряв смысл жизни), как для всех неожиданно - мальчик начал говорить. Сам. Причем, начала "отступать" и шизофрения (быть может, и не она это была вовсе). И единственно, что могло как-то напомнить о произошедшей трагедии,- сильное заикание Левы Розенталя. И словно следствие этого - в иные моменты он вполне сознательно предпочитал молчать, чем ловить на себе недовольные взгляды его невольных собеседников, потерявших терпение "узнать",- что же такого им хочет сказать этот заика. (Причем, вполне естественно, что "проблема" виделась Леве больше, чем она была).

Все свое детство и молодость мальчик (благодаря маме) боролся с недугом. Пока (совместными усилиями) они не добились того, что Лев стал говорить, более-менее, сносно. И, вероятно, именно подсознательная боязнь возвращения заикания повлияло на то, что Лев Маркович не прекращал своих тренировок (в риторике) и в зрелом возрасте. И, как итог,- его лекции были самыми популярными у студентов. (Выступая, скромный, тихий, и "забитый" в обычной жизни профессор Розенталь преображался, импульсивно и живописно высвечивая образы героев какого произведения, выхватывая картины "судьбоносных" моментов, вычерчивая обязательные и важные, на его взгляд, сюжетные линии произведения,

обращая внимание на мельчайшие, ранее упущенные его "коллегами" детали).

Однако, ни научная, ни преподавательская деятельность в последнее время уже не приносили истинного наслаждения. Конечно, причиной могла служить всего лишь накопившаяся усталость. Лев Маркович это понимал. И, быть может, оттого - и не волновался так. (Не то, что в первый раз, -- когда он с ужасом стал понимать, что то, чему он посвятил жизнь - ускользает от него).

К тому же, аналитический ум Розенталя просто требовал разрешения начинавшегося конфликта. И это было возможно, только докопавшись до истоков того, -- почему, подобное, -- стало "возможным".

Долгое время Лев Маркович терялся в догадках, находя каждый раз все новые и новые (возможные) причины случившегося. Но каждая из этих "причин", -- явно никак не располагала к тому, чтобы считаться "основной".

Стремление довести начатое до конца (анализ себя - оказался не менее интересен чем анализ других; тем более, что, и "рука то, -- как говорить, -- уже "набита") привело Льва Марковича сначала до увлечения его философией; а после, -- и до психоанализа с психиатрией.

Вот где, он понял, простор для исследований!
Вот где, должно быть, скрывается первопричина, как случившихся с ним несчастий, так и мотивационная составляющая вообще -- его поведения.

Лев Маркович с головой окунулся в изучение новых для себя дисциплин. Через время, он (с

некоторым сожалением) отодвинул в сторону психиатрию (и, в первую очередь, из-за стремления ее воспользоваться в первую очередь медикаментозным разрешением проблемы). А еще через время,-- примерно тоже самое и произошло с психологией. (Чуть раньше - и с философией).

В итоге, Розенталь сосредоточил свое внимание на психоанализе - глубинной психологии. Только благодаря глубинной психологии, поиску причин в *бессознательном* (а не того, что лежало на поверхности, и было основой методологических баз и общей психологии и психиатрии) он мог приблизиться к *истине*.

Была и еще причина, по которой Розенталь остановил свой выбор на психоанализе. А дело все в том, что с недавних пор, Лев Маркович начал испытывать какое-то непонятное (пока еще?!) состояние тревожности, в иные разы, -- сменяемое настоящими страхами; в результате которых - характер его жизни (в социуме) приобретал форму настоящего затворничества. Более того. Ночью он боялся темноты и всевозможных шорохов. Днем, -- людей, и слишком открытых пространств. Все чаще ему стало казаться, что люди шепчутся за его спиной (конечно же,-- о нем!). Он стал (слишком часто) ловить на себе недоуменные взгляды коллег и студентов (вернее - ему казалось, что он теперь постоянно находится в зоне всеобщего внимания, ну и, конечно же, какие еще могут быть их взгляды, кроме как недоуменными?). Иной раз, ему даже казалось, будто бы кто-то его окликал, но, оборачиваясь - никого не находил. И делал вывод,-- или ему это "казалось"? Или - эти "враги", когда он оборачивался,-- делали вид, что звали не его!? Суматошные мысли (количество которых с каждым

днем увеличивалось в геометрической прогрессии) теперь роем кружились в его голове. И с невероятным усилием, Льву Марковичу удавалось (пока еще, как он понимал, удавалось) находить тот единственный смысл (собственной речи), который был необходим в начатом (или поддерживаемом) им разговоре.

Но иногда ему случалось не сразу находить эту мысль; и тогда приходилось делать невероятное усилие, чтобы как-то выкрутится из создавшейся ситуации. И даже если это ему удавалось - он все равно подозревал, что собеседники - все поняли. И смеются - ему вслед. А иногда, на Льва Марковича находил такой приступ внезапной ярости, что он, бывало, смущал своих собеседников тем, что, на полуслове обрывая разговор, куда-то быстро удалялся на длинных (рост-то у Льва Марковича был за метр девяносто) и тонких (с весом всегда был недостаток) ногах. Но это, вероятно, была меньшая неприятность, нежели тогда, когда он оставался (вернее - что-то его "задерживало"), и те же самые собеседники становились свидетелями самой настоящей площадной брани со стороны их (как его называли за глаза) "тихони", который теперь исходил слюной, намериваясь ударить ближайшего "собеседника".

Но бывало и так, что со Львом Марковичем случался внезапный "стопор". И проходило несколько минут, прежде чем застывший на месте профессор Розенталь, как ни в чем не бывало, продолжал жить своей обычной жизнью.

Глава 2

Игорь Борисович Панин, можно сказать, был прямой противоположностью Розенталя. Всегда веселый и жизнерадостный, он на фоне угрюмого и погруженного в себя Льва Марковича казался настоящим оптимистом.

Привыкший относиться к жизни достаточно легко (быть может, даже легче, чем она того "заслуживала") Игорь Борисович, тем не менее (даже несмотря на то, что был на год моложе своего друга) достиг завидного (для иных потенциальных невест в его холостяцкой жизни) положения в обществе. Еще два года назад (события 92 года) он занял пост заместителя директора одного из вновь открывшихся (частных) банков города. Теперь же - он этот банк возглавлял. И, кстати, одной из первых идей предложенных своему другу профессору Розенталю,-- было предложение открыть собственный (частный) институт. Который Розенталь, по планам Панина, должен был возглавить.

-- Представляешь,-- нарезал шаги в своем директорском кабинете Игорь Борисович, которого его сотрудники (верно, за схожесть фигуры) прозвали Карлсоном (из детского мультфильма). - Думал ли ты когда, что сделаешь такую быструю карьеру - в 35 ректор ВУЗа? Лови момент - при старом режиме до такого когда б ты дослужился?!

Лев Маркович не разделял оптимизма своего друга. Не то, что ему не хотелось стать ректором. Если вспомнить, еще, будучи студентом-первокурсником, с завистью смотревшим на новенькую ректорскую "Волгу", у него впервые возникло подобное желание (которое приобретало иную мотивационную составляющую с возрастом, но не пропадало). Но Лев Маркович предпочитал "реально" смотреть на вещи.

Через год - два - он должен был получить должность зав.кафедрой (если ничего не помешает). И, в принципе, это пока, к сожалению, было верхом его возможностей. С его-то "перепадами настроения", да общим - как он подозревал - расстройством психики. Но вот как признаться в этом Панину?

-- Я куплю тебе новенькую "Вольво",-- разглагольствовал размечтавшийся, и уже видимо мысленно представлявший себя в роли инвестора Панин. - С водителем! - театрально подняв вверх указательный палец, сделал паузу Игорь Борисович. - Положу приличный оклад. (В у.е.,-- хотел съязвить Розенталя, но удержался). Мы сделаем наш ВУЗ лучшим в городе...

-- Нет, не могу,-- осторожно произнес Лев Маркович, с удивлением заметивший, что он чуть было не поддался общему феерестическому настроению Панина. - Не могу я... не могу...

-- Да чего там,-- махнул рукой, казалось, совсем не желавший замечать Розенталя Панин,-- мы будем праздновать открытие нашего вуза с шампанским и фейверками... мой банк выделит беспроцентный транш (институту, разумеется,-- видя удивленный взгляд Розенталя, пояснил Панин),-- на поддержку талантливых ученых... мы переманим к себе всех аспирантов города... словно в тумане доносился до Розенталя слова Панина, которого - Лев Маркович знал по опыту - они ведь дружили еще с детских лет - теперь долго еще не сможет ничего остановить...

Глава 3

Специфика моего характера - и я это в полной мере осознал (точнее,-- признался себе) только к тридцати - такова, что включает в себя удивительную амбивалентность желаний: уединения, и - самой, что ни на есть, "кипучей деятельности". И, должно быть, как раз это,-- и служило причиной "срывов" психики. А попросту - нарушения того психического здоровья, которое, хочется надеяться, не у всех находилось в таком (плачевном) состоянии, как у меня.

Хорошо это или плохо - другой вопрос. Быть может, если подойти (к вопросу) философски - следовало смириться, или, по крайней мере, не обращать особого внимания, не придавать значения, и просто - жить. Но уже с позиции психологии, я подозревал, что это было, чуть ли не единственной возможностью, -- вообще "выжить".

Кто знает, до чего могла довести борьба с самим собой. В умеренных пределах - она, вероятно, необходима для достижения личного роста и самосовершенствования. Но, с другой стороны, это могло служить и причиной многих бед и несчастий. Да и, вероятно, так это и было. Но лишь до тех пор, пока я, (с полным правом), не смог признать, что, иной раз, надо и "остановиться". И уже тут, на мой взгляд, вопрос требовал некоторого уточнения.

Достаточно легко преодолев определенные ступени карьерного роста, я, Лев Маркович Розенталь, вполне мог - особенно, если бы на моем месте был, кто другой - пожинать лавры удачи, купаясь в осознании собственного величия. Но вот в том то и дело, что поступить подобным образом я бы никогда не смог. Прежде всего потому, что я вообще не хотел останавливаться (на достигнутом). Для меня это было равносильно возжеланию смерти - себе же. Жизнь же,

по мне, -- это была постоянная борьба; преодоление внутренних (в собственной психике) и внешних (в интерпретации восприятия окружающего мира) противоречий, суть которых одна - навредить! И (в то же время) - дать возможность мне,-- выжить! (Через борьбу, и преодоление этих самых противоречий).

Другой вопрос, плохо это было, или хорошо?!

Действительно, зачастую, преодолевая неподвластные (и усмиряя, казалось, неусмиримые) желания,-- я мог догадываться, что когда-нибудь должен был наступить тот этап, когда - как по Достоевскому - "некуда больше идти"! Но я неосознанно (в полной мере осознания, предпочитая иной раз - в целях самосохранения - "недопонимать!) отодвигал от себя наступление подобного (и крайне нежелательного для меня) случая.

На каком-то этапе постижения законов жизненного бытия - я увлекся метафизикой... Однако, уже через какое-то время достаточно ясно понял, что хоть она и дает возможность объяснения мироздания (и главное - самого моего существования в нем),-- но это лишь один из подходов объяснения. С той же самой задачей я пытался справиться с помощью психологии.

Куда меня могла вывести карета, запряженная такими двумя прекрасными лошадьми? Мне показалось, что это путь "в никуда". И я справедливо опасался, что скоро мои кони начнут тянуть в разные стороны.

В мои сорок семь - иному пора уже было бы и смириться (посчитав, что все, что мог - достиг). Но я был не такой. И это несмотря на то, что все мои прежние действия, явно говорили, что я несколько запутался в своих стремлениях. А вместо того, что планировал достигнуть - достиг несколько иного.

Впрочем, у меня были все основания полагать,-- что я и ошибался (как в своих прежних *устремлениях*, так и - быть может даже в большей степени - в осознании последствий своих действий). И, на самом деле, ничего *страшного* - не произошло. Ну, или,-- почти не произошло.

И несмотря на это - *остановиться* я уже не мог. Правда, не способность остановиться самому, почти не предполагает, что это не способен сделать кто-то другой. (Хотя, признаться, я всячески намерен был избегать кому-либо вмешиваться в мою жизнь. И уже - почти осознанно - убеждал себя, что в любую минуту - готов "умереть". И то была вовсе даже не хитрость, и не "маневр", как мог кто и полагать. К сожалению, это была правда. Та самая правда, о которой я, со всей откровенностью, мог сейчас поведать). И уже наверное потому, я с невероятной опаской начинал какие-то новые дела. Опасаясь оставить их после себя - незаконченными.

Но пока я еще был жив... Правда, что это была за жизнь?..

Глава 4

Яков Соломонович Бернштейн, являл собой пример классического представителя своей национальности. И в первую очередь это относилось (и явно бросалось в глаза) к его внешности. Чуть выше среднего роста, из-за чрезмерной худобы казавшийся высоким, Яков Соломонович был сутул, с постоянно опущенными плечами, с черными волосами, длинным носом, шаркающей походкой, бессильно повисшие руки дополняли картину. Он бы всегда хмур. А кроме того,

отчего-то казалось, что на его лице словно навсегда застыло выражение какого-то, то ли страха, то ли - панического ужаса.

Правда, что касалось его внутреннего содержания, то тут, как говорится, можно было поспорить (в том, что касалось его приобщению к еврейству). Да и возможно ли было поставить ("под одну гребенку") весь народ?! Но все же наверняка, мы могли говорить о каких-то чертах, более-менее присущих большинству из сыновей Моисея. Что же касалось Якова Соломоновича, то у него с легкостью можно было отыскать ряд особенностей, "благодаря которым", общение с ним - явно было затруднено. (Тем более, что и друзей-то, у него было немного. А то и вообще не было. Так, эпизодические знакомства, медленно перерастающие в "товарищество" - следующий этап на пути к дружбе, - а потом внезапно обрывающиеся). И уже наверняка, не могло быть и речи о каком-либо (совместном) проживании с ним. Ежесекундно видеть его "кислую рожу"?.. На это потребовалось бы какое-то особое геройство. Которого из встречавшихся с Бернштейном представительниц противоположного пола - не находилось.

К тому же, вечно недовольный и сомневающийся в каждом своем шаге Бернштейн,-- явно отпугивал людей, в иных ситуациях, быть может, и готовых "к сближению".

Жизнь для нашего героя казалось той обязательной (в том смысле,-- что от нее уже не отвертеться) *неприятностью*, с которой, быть может, и надо было давно смириться (с самим фактом ее существования); да вот он никак не мог. Или не хотел.

Так и не получив никакого систематического образования, Яков Соломонович, в свои сорок пять, был

подобен дереву без корней - еще стоит, но, почему-то,-- не падает.

Пожалуй, абсурдна была и вся его жизнь, и, должно быть, так получалось,-- что абсурдными казались и люди, готовые (способны ли они, впрочем, это делать достаточно долго?) с ним общаться. Он был страшный пессимист. Все события в жизни интерпретировал (то же ведь определенное умение) с позиции самых мрачных и незавидных сторон. Какое-либо (по ошибке все же случающееся) радостное событие,-- у него почти тот час же отравлялось мыслью о "недолговечности" *природы* радости; и, быть может, еще не успев насладиться (впрочем, впору было желать ему хоть краем сознания испытать ощущение, которое зовется счастьем) какой-либо "страшной" (всегда - для него) радостью - как, почти тотчас же, его настроение принимало такую податливую форму, что, еще более несчастливей человека, казалось, было и не найти. Да к тому же, чуть ли не сразу же, его начинали мучить тяжелейшие угрызения совести... ("За что, мол, к нему "пришла" радость - ведь кто-то другой - страдает").

И трудно было поверить, что сам Бернштейн догадывался о какой-либо "абсурдности" ситуации. Нет, конечно же, - нет. Причем, ощущения которые он испытывал порой были столь естественные, что, признаюсь, и я не раз невольно сожалел (о чем?) вместе с ним. Переживая, что бы потом - ругать себя за собственную глупость. Ведь, еще немного, и у меня могла появиться такая же психическая травма, как и у Якова Соломоновича. А со временем, вероятно, могла (при таком "раскладе") и развиваться какая патологическую зависимость...

Я этого не хотел. Боялся. А потому, как мог, (с минимально допустимой долей "обязательного" общения) "утешал" своего приятеля - Якова Соломоновича Бернштейна. Пока мне (с не невероятным усилием) не удавалось переключить его сознание (посредством - вовремя задействованного - бессознательного) на какой-либо, приятный (для него?) объект. За редким исключением,-- это мне удавалось. Но и в те случаи, когда, как будто, ничего и не получалось,-- я с какой-то неведомой мне силой делал нечто неординарное (и почти такое же неожиданное для него, как и для меня), стремясь на тот момент к достижению одной цели: вывести Якова депрессивного состояния.

Впрочем, Яков, вероятно, все же догадывался о своих "залетах сознания". Можно даже предположить, что он когда-то и пытался противостоять надвигающемуся безумию. Но, судя по тому, что сейчас происходило с ним, я мог сделать вывод: в той борьбе он проиграл... И уже вероятно потому, на каком-то жизненном этапе Бернштейн смирился. Следствием чего, - явилось еще большее ухудшение его состояния...

Неспособный ни к какому - более-менее значительному - волевому напряжению, Яков Соломонович теперь, чуть ли не ежесекундно (зачастую от одних только мыслей, а не от реально свершившихся обстоятельств) впадал в полное отчаяние; и уже как следствие,-- он был не только одинок ("легенда" о, якобы когда-то существовавшей "коварной" жене, "изменившей" ему, и потому - "отринутой", к сожалению, была только легендой), но и до сих пор не определился с постоянным местом работы. И это наряду

с полным отсутствием каких-либо способностей, позволяющих (хотя бы сносно) устроиться в современном мире.

Правда, кое-где он все же работал. Но это было столь эпизодически и нерегулярно, что даже не уместно об этом и вспоминать. Причем, я мог допустить, что какая-либо работа ему, быть может, и вообще была противопоказана. Удрученный вид и откровенный пессимизм Якова Соломоновича, словно уже изначально не сулил (рискнувшим взять его на работу) работодателям каких-либо дивидендов от того. Но и еще оказывалось, что, импульсы, исходившие от "ожидавшего несчастий" Бернштейна - каким-то образом начинались проецироваться и на них. И частицы присутствующего у Якова безумия, словно в какой геометрической прогрессии множились и разрастались, передаваясь многочисленным или немногочисленным (в зависимости от размеров предприятия) сотрудникам фирмы. И порой требовалось оперативное вмешательство "хозяина", - чтобы уберечь "контору" от внезапно обрушившихся на нее несчастий и - незапрограммированных, вроде, неприятностей.

После чего, Яшу, конечно же, изгоняли. Иной раз,-- с позором. И еще долгое время после его ухода, "соискателям" на вакантные должности, даже отдаленно напоминавшим Якова Соломоновича, - не только отказывалось без объявления каких-либо - даже чисто вымышленных - причин; но и, зачастую, только при виде их,-- двери запирались на все имеющиеся засовы, и в офисе воцарялась такая тишина, что впору было вспомнить о самых страшных ассоциациях.

Найдется ли кто,-- кто решится сказать, что Яков Соломонович Бернштейн был не несчастен?!

Он не только был несчастен, но и сам был - "несчастье"!..

Глава 5

В какой-то мере я стал убеждаться о некой, присущей моей психике, -- индивидуальности. (Причем, полное осознание сего факта пришло уже достаточно поздно, чтобы еще можно было надеяться что-то изменить. Хотя, уже вспоминал я, первые признаки какой-то непохожести на других, могли, вероятно, вообще датироваться самыми юными годами).

Нельзя сказать, что я очень переживал по этому поводу. Хотя, быть может, и первоначальные мотивы моих поисков в желании что-то изменить и привести сознание в "норму" - (что есть "норма"?) - были не только омрачены осознанием сего печального факта, но и характеризовали какое-то стремление изменить ситуацию.

Не удалось. А потом, -- я смирился. (Точнее, должно быть, не так и смирился, как просто поймал себя на мысли - что эти самые мои "особенности", в какой-то мере, можно обратить во благо). И если разобраться, мое неистовое погружение в науку, не иначе как следствие удручающего факта присутствия в моей психике чего-то необъяснимого; что, наверняка, выводило меня из должного равновесия, и служило неким дополнительным стимулом для тревог и печалей. А еще свидетельствовало о борьбе; которую затеял я - с самим собой. И это притом, что, быть может, и борьбой-то, это нельзя было назвать. Но что тогда это было - как

не борьба?! Борьба за свои права. Права,-- адаптации к жизни.

А что такое жизнь?

По мне, жизнь была,-- нескончаемой цепочкой собственных удручающих ошибок. Осознание этих ошибок. Нахождение способов - исправления их. Устранение - последствий. Иной раз, жизнь состояла из внезапных просветлений в виде каких-то подарков судьбы. И мне часто казалось, что цикличность предполагаемых самой жизнью этапов - не только не носит характера какого-то равенства расстояния, как самих этапов, так и времени прохождения каждого из них, но и по своей природе - вообще не может быть таким. А значит,-- перед нами всегда будет *непредсказуемость*. И уже отсюда - невозможность (заранее) достижения какого-либо предрешенного результата. И уже само понятие: "результат" - кажется абсурдным. А настоящим бредом может выглядеть желание изменения сего факта. Это невозможно. А что возможно? Возможно, на мой взгляд, лишь какая-то незначительная возможность (после долгих поисков) - приближения к намеченной (а иной раз - и только намечаемой) цели.

Впрочем, и это еще ни о чем не говорит...

В какие-то особо тягостные минуты собственной жизни, я пытался анализировать происходящее. Но то, что называлось "самоанализом",-- в ситуации со мной (благодаря, вероятно, какой-то искаженной интерпретации происходящего), зачастую, приводило к еще более удручающим последствиям.

Но, быть может, и не стоило так корить себя? Выискивая исключительно в себе причину случившихся

бед, да несчастий. Но я и отдавал отчет, что, не иначе как "во мне",-- они более нигде и не могли находиться...

Вся история моей жизни, более чем подталкивала меня к тому предположению, что, просто - напросто, следовало решиться начать все в корне менять. Иначе "конец" (мой? конечно же, мой!), мог быть весьма и весьма, удручающим.

Хотя, иной раз, бессвязность полученных выводов просто поражала. Впрочем, все это могло служить и оправданием моего нежелания (или, скорее, всего того, что - уже этому - всячески противилось) отображать реальную жизнь в собственных измышлениях. Что опять же, вполне можно было приурочить к невольному сопротивлению и воспрепятствованию.

Вопрос, как говорить, открытый.

Глава 6

В свое время, Лев Маркович Розенталь - тогда двадцатипятилетний подающий надежды молодой ученый - начал сталкиваться с, уже начинавшими его беспокоить, *странностями* в поведении. Ну, беспричинная грусть это еще что... Внезапная агрессивность, пожалуй, тоже не слишком выделяла его из рамок распространенной обыденности. Но вот волны накатываемого на него безумия - он мог считать самым ужасным из всего того, что было.

Однако, было то это все - только в самом начале. Постепенно, с каждым годом прогрессирующая болезнь давала о себе знать все новыми, дополнительными поводами для беспокойства. Это и (все чаще

начинавшая беспокоить его) тревожность (которая из типичного "беспокойства" постепенно начинала выливаться в "приступы страха"), и появляющаяся "мания величия" (которая, насколько он догадывался, совсем не должна быть свойственна характеру того психического заболевания, которое он сам в себе угадывал), и различные - иной раз, слишком длительные, чтобы им не придавать серьезного значения - депрессивные состояния... По всей видимости, все это, не только начинало откладывать свой гнетущий и негативный отпечаток на психику, но и грозило со временем перерасти в нечто ужасное; то, от чего уже было и не возможно избавиться.

Правда, пока Лев Маркович был молод, - он еще мог (бессознательно) надеяться на то, что ему удастся избавиться от всех этих проблем. Но проходили годы... Проблемы (с которыми он, вроде как, уже научился справляться, предпочитая, например, не замечать их) с одной стороны - что удручало, нисколько не собирались куда-то исчезать; с другой стороны,-- они уже становились как бы "частью" Льва Марковича. А значит, вроде как теперь и не требовали к себе такого уж пристального внимания.

И все же, это не означало, что причин для беспокойства совсем не было. Откладываясь в подсознании, негативный смысл их, - так или иначе, влиял на жизнь Розенталя в целом, и на характер свершаемых им поступков - в частности.

Например, тревожность, повышенное беспокойство и страх (причем, как понял Розенталь, причина возникновения страха держится на "неизвестности") послужили причиной того, что, получив отдельную квартиру от матери, - он совсем не

справлялся с одиночеством (не то что Лев Маркович совсем не мог быть один; в конечном итоге, инициатива разъехаться с матерью происходила исключительно от него; но он как-то упустил, что, в бытность совместного проживания с Зоей Карловной,-- все хозяйственно-коммунальные вопросы она брала на себя; и впервые столкнувшись с необходимостью делать подобное - самостоятельно,-- Лев Маркович не только испугался ожидавших его перспектив, но и уже вскоре вынужден был признать свою абсолютную беспомощность в решении практических вопросов); и, как следствие, - Розенталь весьма поспешно женился, чуть ли не "на первой встречной". Прожив несколько месяцев в браке - Розенталь столь же спешно развелся. (Брак, заметим, был не только "не счастливым", но и уже изначально странным: он - умница, красавец, с дальнейшей перспективой научной карьеры, она - старше его на десять лет, невероятно глупа, и столь же, наверное, невероятно сексапильна; новоявленная супруга не только нигде не работала, но и работать,-- не собиралась; и в "первый" раз изменила мужу - уже на свадьбе; причем, умудрившись, сразу с двумя -- в первый день, и еще с одним - во второй). В принципе, в разводе Розенталя особой трагедии не было. Детей они - не нажили; какого-то хозяйства - не завели; влюбиться - друг в друга - не успели... Однако, сразу после развода, уже бывшая супруга - потребовала полквартиры. (Прописать он ее, все таки, успел. Впрочем, что касалось "прописки", она оказалась весьма расторопной и сама).

В итоге, Лев Маркович чуть было не переехал в коммуналку (комната в коммунальной квартире было именно то, на что он мог "претендовать" после развода), да вовремя вмешалась его мать, уговорив бывшую

"невестку" довольствоваться "отступными", для чего пришлось обнулить сберегательную книжку.

Впрочем, на этом семейные злоключения нашего героя не закончились, и в последующем пережив еще два брака и развода, он в свои тридцать четыре (акkurat время получения докторской степени) все же оказался в коммуналке. Многонаселенной. Но зато - один. Ибо к семейной жизни Лев Маркович, как оказалось, был не готов ни в каких ее проявлениях. (То ли женщины попадались не те, то ли он, с его взглядами на жизнь, был совсем не тот, кого они в нем предполагали увидеть). А скорее всего - виной как раз и был "характер" Льва Марковича. Который, иной раз, приносил ему самые настоящие несчастья.

Глава 7

Еще с детства я чувствовал что-то вроде,-- "отличимости" от других.

С возрастом, в еще большей степени, пришло осознание сего факта. (Помню, я даже переживал, считая, что мое нежелание следовать общепринятым "моделям поведения", являлось, своего рода, наказанием, которому я сам себя подвергал, и за которое, вероятно, еще буду как-то "расплачиваться").

И лишь намного позже я понял, что это, просто-напросто, моя "индивидуальность"; от которой совсем и не стоит "избавляться"; а надо лишь всячески лелеять, и поддерживать ее.

Да, конечно, вполне можно было предположить, что это моя "особенность" способна была принести мне немало бед. Да и, вероятно, все жизненные трудности, в

кои я попадал, в некоем роде,-- являлись,-- "следствием" ее. Но почти точно также было верно и то, что мне следовало... смириться.

Мне следовало,-- "закусив удила",-- жить дальше. Жить, не поддаваясь на желание - что-то изменить в себе. Ведь, по сути, каждый из нас - в чем-то "уникален". И в каждом, наверняка, должны были присутствовать черты, отличные от тех, что мы бы нашли в других. Это, если хотите, аксиома. И как любая аксиома,-- она совсем не требовала доказательств.

В какой-то момент, Льву Марковичу Розенталю захотелось "сбежать" от людей. Поначалу испугавшись подобного желания, он почти тотчас же вспомнил, что подобное желание (столь неожиданно посетившее его) вроде как, было и не ново. (Тот же Флобер мечтал спрятаться в башне из "слоновой кости"). Да и - "отголоски" подобного, встречались и у Набокова, и у Кафки... Так почему,-- не может быть и у него?..

По большому счету - как оказалось - ни карьера ученого, ни мои преподавательские "успехи", практически не служили защитой против развивающегося невроза. Особенно это ощущалось утром; когда, стоило только открыть глаза, и уже тотчас же - хотелось закрыть их, съежиться, спрятаться, скрыться, заползти куда-нибудь... И не выдавать своего местонахождения...

Если рассматривать все это, с позиции какого здравомыслящего болвана,-- то, по всей видимости, вслед за удивлением у него, должен был развиваться и ужас для меня. Ужас от "непонимания" сложившейся ситуации.

Да и, в принципе, как еще иначе? Окажись на месте его я - и сам бы, пожалуй, ужаснулся. Смотреть и видеть, как человек старается ускользнуть от действительности (явно ожидая, что эта самая действительность, не принесет ему ничего кроме несчастий); в каком-то полускрюченном положении тела, он (то есть - я) сползает (после пробуждения) на пол; и, выждав паузу (минуты идут напрямик в копилку непонимания), наконец-то решается распрямиться; и тут же застывает, с видимой (на лице) нерешительностью как бы размышляя: что же ему делать дальше?! И это притом, что "дальше"-то,-- ничего и не меняется. (В том плане, что не обнаруживается ничего нового). И уже создается впечатление, что, сам "сценарий", написан очень давно. Но почему-то с какой-то маниакальной настойчивостью, по нему (каждый раз) снимается новая серия. И получается,-- лишь "копия" предыдущей.

Страх. Страх и ужас царил в глазах Льва Марковича. Сначала ему пришлось (все же пришлось) полудойти - полудоползти (как это еще назвать?) до кухни (на ходу закуривая), чтобы поставить чайник. Крепкий кофе - как он уже выяснил для себя - был единственным способом пробуждения. И еще сигареты. Курил он много, и любые разговоры о каком-либо вреде оных, уже даже не вызывали у него ни смеха, ни недоумения... Он попросту не обращал на это никакого внимания.

Да и за саму жизнь, если разобраться, совсем и не цеплялся. И узнай он, что предстоит умереть "сегодня" - лишь, быть может, вздохнул бы с облегчением. Да пробежало бы по нему некое сожаление, что не успел привести в порядок свои дела.

Но это нисколько бы не остановило его. Как и не стал бы он избегать того, что ожидалось случиться. И

ушел бы из жизни прямо сейчас. С удовольствием. С впервые испытанным за последнее время удовольствием и... удовлетворением. Мол, наконец-то все - закончилось...

Но вот в том-то и дело, что жить (ему) приходилось дальше. Что было ему, в общем-то, безразлично. Часом раньше - часом позже. Днем раньше - днем позже. Годом раньше... Ничего не менялось. Вся та же рутина безысходности, все та же душевная боль и тоска. Все то же вынужденное восприятие действительности. Все та же грехоподобность ситуации. Да ничего и не менялось... и разве могло тут возникнуть желание и дальше жить?.. Я нисколько не собирался изменять, что-то перекраивая, ни в себе, ни себя... Нет, конечно же, меня это не устраивало. По мере "приходящего в себя" сознания, я почти тот час же начинал понимать, что, быть может, один из способов "просто жить" - было действительно попытаться начать жить, не обращая внимания на свое состояние. Но вот в том то и дело, что я даже не мог попытаться попробовать. Да и результат был известен заранее: все равно "ничего не изменится". Разве утаишь от самого себя разрывающееся внутри чувство опустошенности? Способен ли я был изменить (хотя бы попытаться) хоть что-то, хоть тот минимум, который, быть может, есть всегда и у каждого? Да нет. Ответ-то известен заранее. И потому с наступлением каждого "нового" утра,-- ничего не менялось. И я уже знал, что так будет и дальше. Будет все "по-прежнему". Да и хотел ли я что-либо менять?..

Так получилось, что Лев Маркович способен был выходить из дома (кое-как справляясь с бушевавшими внутри противоречиями) лишь к вечеру.

Вечер, и, следовавшая за ним ночь, были той единственной отдушиной, которая, быть может, пока еще спасала его; способствовала тому, что он жил. Жил... А ведь он действительно жил. Оживая со второй половины дня. И тогда уже и работу, и другие какие-то дела, Розенталь подстраивал исключительно под этот свой график. А что ему еще оставалось?

К тому же, у Льва Марковича (во всей красе!) начала проявляться его, даже не двойственность, а множественность сознания. Он, неожиданно для всех (и держа это в тайне), поступил на юридический и экономический факультеты двух городских вузов. На заочное отделение. Через время, решив сдать все экстерном. И уже через полтора года после поступления, Розенталь мог похвастаться двумя новенькими дипломами, получив в свои 40 лет - две дополнительные профессии.

Последующие его шаги были таковы: сдав (квалификационные) экзамены и пройдя аттестацию, - Розенталь получил право работать в нотариальной конторе; но, неожиданно отказавшись, выбрал одну из крупных коммерческих фирм, которые - после того как он продемонстрировал им все свои дипломы (умолчав, что является еще и доктором филологии) - охотно пошли на его условия: ежедневная работа по 2-3 часа в "дообеденное" время, и приличный - по столичным меркам - оклад.

В другой фирме, он почти на тех же условиях (время было чуть смещено) устроился консультантом по экономическим вопросам.

Законченная диссертация по психологии (защитился почти одновременно с получением дипломов юриста и экономиста) явно способствовала (благодаря полученным знаниям) добиваться того, что

он хотел. И словно в подтверждение - уже через несколько месяцев Лев Маркович с ежедневного графика, перешел на 2-х - 3-х разовый (в неделю). В обеих фирмах.

Потом он устроился в один, вновь образованный, медицинский центр психологом - консультантом. На один день в неделю. Позже - взял два дня, но время ограничил до трех-четырёх часов.

И уже как будто последним шагом - являлось предложение одного из его новых друзей - Феликса Васильевича Айзеншпица (владельца "заводов, газет, пароходов") возглавить редколлегию недавно тем открытого,-- социально-политического журнала.

Глава 8

Феликс Васильевич Айзеншпиц, был сорокадвухлетний мужчина, среднего роста, с уже оформившимся животиком и добродушной улыбкой, расплывающейся при виде любого из своих многочисленных знакомых. Общительный характер и внутренняя лучезарно исходящая от него доброта - только способствовали тому, что число его приятелей, товарищей и друзей росло, чуть ли не в геометрической прогрессии, относительно прожитых им дней.

В свое время (по любви) женившись на однокурснице, он уже к окончанию политехнического института мог пожинать солидные (и никак не рассчитываемые им ранее) дивиденды со своего столь удачливого брака - тесть Айзеншпица неожиданно "пошел в гору", став, сначала замминистра, а потом и министром рыбного хозяйства. Обаятельность, и то, что,

по всей видимости, именуется харизмой Феликса Васильевича (не меньшую роль,-- а немногочисленные недоброжелатели считали и большую, сыграли связи тестя, и, что в принципе признавалось всеми - природный ум и интуиция Феликса Васильевича) явно способствовали тому, что уже к тридцатипяти годам Айзеншпиц превратился достаточно обеспеченного человека. Сферой его интересов были лес, металлургия и, что уж казалось, "сам бог велел" -- рыбное хозяйство. А еще вот - и, пресса. Причем к прессе, Феликс Васильевич испытывал какое-то трепетное отношение (сродни чинопочитанию). Было видно, что это почти то единственное, что он уважал; причем, в большей мере, подобная любовь была вызвана скорее не пониманием механизмов работы, и уже оттого, все те - "кто пишет",-- казались ему сродни божествам, сошедшим на землю. Нет, конечно, и у больших людей должны быть какие-то странности? И, должно быть, в сознании (точнее - в подсознании) большинства людей и считается это вполне нормальным. Но сейчас, Лев Маркович, об этом (не то "состояние") предпочитал не задумываться.

Кстати, Льву Марковичу пришлось немало поусердствовать в убеждении Айзеншпица иметь собственные СМИ. Тот поначалу (желание явно прочитывалось в его глазах) как будто и согласился; но, вероятно, какой-то червячок все же сидел у него внутри (оказывая свое вредоносное воздействие); а потому,-- он почти тотчас же - отказался (сославшись на временную "неготовность к столь ответственному шагу").

И все же Розенталь почувствовал, что того можно "дожать". Что он и попытался сделать, бросив в ход "тяжелую артиллерию", а именно - те "доводы", от которых, вроде как, и невозможно было отказаться.

Уже позже, анализируя их разговор, Лев Маркович достаточно ясно представил себе, что, в принципе, у него вполне могло ничего и не получиться. К не слишком приятному типу принадлежал Айзеншпиц. И, вероятно, за маской "добродушного" человека,-- все же скрывался "самоуверенный глупец". А такие "глупцы" опасны тем, что способны "втетьмяшить" себе в голову, иной раз, откровенную чушь. После чего, с настойчивостью откровенных придурков - всячески отстаивать свои "убеждения".

-- Бред,-- готов был уже потерять терпение Лев Маркович, видя что

Айзеншпиц пытается ухватиться, за только что выдуманные им (и, якобы, ожидающие их в "будущем") трудности.--Этого просто не может --

--Может...-- пытался вставить Айзеншпиц.

-- Нет! Не может! Это - ис-клю-чен-но,-- по слогам, смотря прямо в глаза своему *недалекому* апаненту, произнес Розенталь.-- Впрочем,-- если ты на самом деле не желаешь, пусть так и будет,-- готов уже был смириться он, разом потеряв всяческое желание к сопротивлению.--По крайней мере, деньги собираешься платить ты,-- поэтому и последнее слово - за тобой. Тогда я, как говориться, умываю руки.

-- Ну что ты так горячишься,-- неожиданно согласился Айзеншпиц.-- Считай, что я давно был "за". И мне, быть может, попросту хотелось выслушать еще одно подтверждение своему - заметь: уже давно принятому - решению. И теперь ты меня убедил -

-- Да брось ты,-- перебил его Розенталь,--если "соглашался" - надо "соглашаться". Не хотел соглашаться - так и сказал бы: не согласен. А то, что ты

делал, называется... впрочем, ты, должно быть, и сам знаешь, как это называется,-- внезапно успокоившись (и почти тот час же разразившись хохотом) заключил Лев Маркович. Рассмеялся и Айзеншпиц.

Закончив смеяться, Айзеншпиц внимательно посмотрел на Розенталя. - Если угодно - я согласен. (Они пожали руки). Теперь, должно быть (Айзеншпиц вопросительно вскинул вверх брови) нам следует (тот опустил глаза и успокоился) рассредоточить наши планы и обязанности. У меня тут... (Розенталь достал из откуда-то появившейся папки собственные печатные листы со схематично набросанным планом будущего проекта, названием рубрик, подрубрик, каких-то необходимых "тонкостей", характерных деталей, составленной им концепции и кредо журнала, общих направлений работы, требуемого штата, предполагаемых затрат и проч.).

Окинув глазами "проект", Феликс Васильевич удивился (вслух) "грамотности построения бизнес-плана".

-- Ну, это не совсем бизнес-план,-- скромно заметил Розенталь.

-- Это ты все сам составлял,-- не слыша его, прошептал пораженный Айзеншпиц,-- Впрочем, зная тебя - заранее извиняюсь за вопрос.--Но как, черт возьми...-- с застывшим на лице изумлением Феликс Васильевич медленно перелистывал страницы, поглядывая на не скрывающего своего одобрения признанием собственных "заслуг" (тщеславие, но Розенталь его не стыдился) Розенталя.--Мне как раз сейчас нужен грамотный специалист. Пойдешь ко мне --

-- Давай сначала начнем наш проект,-- улыбаясь, медленно, но настойчиво произнес Лев Маркович.

-- Да, да, что это я?.. - смутился Айзеншпиц. - Прости, что я так долго морочил тебе голову,-- произнес он на прощание, после того, как - радостный, довольный, и умиротворенный - принял все, что предложил ему Лев Маркович Розенталь.

Глава 9

Я думаю, мало, в чем ошибусь, если выскажу предположение, что собственное состояние психики (заложником коего я, в некотором роде, являлся) на каком-то этапе способно было меня привести в достаточно плачевное состояние; что, в свою очередь, могло быть уже и серьезно. Ведь только поначалу я считал, что ничего страшного (то есть, вероятно, большего из того, что уже есть) случиться не могло. Я ошибался. Мое заблуждение было сродни накатывающейся на нас, иной раз, пелене достаточно бессознательных состояний, которые (на вроде бы?) и ничего, поначалу, опасного не являли собой; но лишь присмотревшись (что само собой предусматривало прохождение некоего времени, в какой-то мере достаточного для того, чтобы возникшие предположения перешли уже в разряд, собственно, не предположений, а неких выводов) я начал осознавать ошибочность своих прежних взглядов, по поводу "грозящей мне" опасности. И при совсем иных "раскладах"... впрочем, я постарался до этого не довести. (Я даже мог сказать, что предпринял какие-то только мне известные меры. Но это было бы слишком оптимистично. В любой момент я мог ожидать

обострения своего психического заболевания, которое, подозревал, у меня все же было).

Не сказать, что я совсем ничего не пытался делать. Но если учесть, что какая-то официальная медицина исключалась изначально (а в нетрадиционную я не верил),-- то следовало, большей частью, полагаться на самого себя. Я был готов к этому. Но все же где-то - поначалу - что-то упустил, и прошло уже достаточно времени (упущенного времени?!), когда я вдруг пожелал увидеть какие-то изменения. Надеяться, на них.

Но что должно было измениться?.. И когда?.. Где-то подсознательно, я готов был, впрочем, ожидать столько времени, сколько и потребуется. Но мне всячески хотелось - уменьшить *срок ожидания*.

Если разобраться, мои кажущиеся "шатания" (интерпретируемые так некоторыми людьми, недостаточно "хорошо" меня знавшими), конечно же, не были продиктованы такими уж абстрактными (и совсем не относившимися к делу) стремлениями. А все же несли в себе достаточно "положительный" заряд, который способен был незримо подпитывать собственную психику.

Это были те шаги вперед,-- которые приближали меня к внутренней гармонии. И если я, в какой-то момент, рассудил, что мой мозг способен "на увеличение" своих оборотов, то, как говорится, почему бы и нет. Пусть работает. Пусть *все* будет задействовано,-- для достижения -- нужного мне -- результата.

Подобным целям отвечала и моя научная работа. Тем более, что в литературоведении - возможностей "для открытий" (упрек неким разуверившимся молодым ученым) еще было предостаточно. Надо было только работать. А в моем варианте - еще и "объять

необъятное". Но я был готов к этому. Хотя бы потому, что - попросту - боялся остановиться.

Глава 10

Появление в жизни Розенталя Сергея Аполлинарьевича Безродного, можно было считать, (в принципе), счастливым явлением. Быть может, если бы Сергей Аполлинарьевич, иной раз, не казался сущим занудой, способным (довести до белого каления) любого человека. Впрочем, к "любым" - себя Лев Маркович никогда не причислял. А потому и весьма "толерантно" относился к "слезам" Безроднова.

Сергей Аполлинарьевич Безроднов был высоким, худощавым, с взъерошенными (и уже местами - вокруг появляющейся лысины - седеющими) волосами, необычно "умным" взглядом (правда - вторая особенность - или черта этого взгляда - *страх* - в иные разы способна была перечеркнуть соседствующую более положительную деталь), слегка картавливой речью, прихрамывающей походкой (отчего всегда пользовался палочкой, впрочем, служащей ему и неким лоском, и как бы с дополнительным "шармом" придающим особые черты его фигуре) и - деталь не только немаловажная, но и почти тотчас же бросающаяся в глаза - *неуверенностью*, исходившей от него.

Сергей Апполлинарьевич был несчастен; но для меня всегда был вопрос, насколько действительное положение дел, соотносилось, прежде всего,

с желанием Безродного - казаться несчастным.

Желанием жалости,-- по отношению к себе.

Впрочем, я мог и ошибаться. А сам Безроднов, подобного своего состояния (состояния внутренней неуверенности, проецируемой на внешнюю сторону жизни),-- не замечал. А если все же предположить, что "замечал",-- то можно было хотя бы признать, что он не придавал этому такого уж значения; чтобы заставить себя,-- от него избавиться.

Притом, что случавшееся у него периоды (быть может, и не столь "эпизодические", как ему хотелось уверить окружающих) психической возбудимости, сменялись необычной истощаемостью нервной системы; и почти тотчас же вслед за ними, Сергей Апполлинариевич начинал ощущать страх и необычное внутреннее беспокойство; правда, в какой-то мере, за свои 47 лет - Безроднов нашел способы если не избавляться от этих страхов - тревожностей - беспокойств, то уж, по крайней мере, как-то нивелировать их воздействие. Заглушать их. Алкоголем, например.

Пил он часто. Каждый день. Правда, только пиво. Но, ежевечерние приемы "янтарного напитка", исчислялись в декалитрах (6-8, иногда 10, 11, а то и 15 бутылок). Причем, подобное "увлечение" алкоголем, на мой взгляд, свидетельствовало не иначе как - о стремлении заглушить... страх и общую неуверенность (достаточно характеризующие Безроднова). А также говорило о том, что *страха* (который испытывал Безроднов, и от которого он стремился избавиться подобным способом) было много. Слишком много. Невероятно много, чтобы надеяться, что у Безроднова что-либо получится.

Он пил, и... боялся. И еще больше пил. И еще больше боялся. Безроднов пытался увеличить "дозу". И это на какое-то время действительно помогало. Но потом, последствия (и от "приема", и от "страха") начинали заявлять о себе таким образом, что Сергей Аполлинариевич готов был... убить себя. Но,-- боялся и этого. (А иногда страх совсем, как будто, исчезал. Но он возвращался. Он всегда возвращался...).

Способен ли был Безроднов "придумать" что-то другое? Даже если (теоретически) и можно было допустить подобное, реально этого никогда не случилось. Потому как никак не мог Сергей Аполлинариевич избавиться от того состояния, когда необходимо было "переживать за все"... И уже потому, за событиями текущей жизни, Безроднову приходилось наблюдать с долей такого пессимизма, что со стороны казалось, и не живет-то человек вовсе,-- а лишь страдает.

Но была и еще одна "особенность", которую я заметил у Безроднова. Мне показалось (и я уже не мог отделаться от такого предположения), что, чем больше Сергей Аполлинариевич страдал,-- тем больше он находил удовлетворение в том. Этакое проявление душевного (морального) мазохизма. Притом что замечал я, что сам Безроднов, по сути, и не выглядел таким уж "удрученным"...

Ну, согласитесь, если внезапно обращаете внимание на то, что "что-то" вас начинает беспокоить,-- разве позволите уже после этого (как говориться - в дальнейшем) не предпринять хоть чего-нибудь, в попытке избавиться от этого? Если, конечно, испытываете вы оттого,-- "неудобство". А если ничего

не мешает,-- то на вроде как,-- и "стараться" не надо. Зачем же избавляться от того, что не мешает?...

Но вот в том то и дело, что как раз в варианте с Сергеем Аполлинариевичем, все эти тревожные беспокойства, вполне готовы были превратиться (в последующем... в последующем...) в самый настоящий кошмар. И то, что Безроднов сутками не выходил из дома, только свидетельствовало, что его болезнь - отступить - не собиралась.

Впрочем, некоторая доля агорафобии присутствовала и у меня. Да и я, пожалуй, знал кого-то еще (из наших с Безродновым знакомых) кто то же испытывал нечто подобное. Но все дело было в том, что если я как-то стремился от этого избавиться (понимая, что "нормального" в этом мало), то Безроднов, чуть ли не заявлял обратное. И никак не понимал, зачем должен что-то изменять (в себе). Притом, что он не только мучился от (все чаще) случавшихся с ним признаков присутствия страха, но и,-- почти сознательно - *вызывал их*. (Притом, что Безроднов, в последующем, начинал с невероятной легкостью проецировать этот страх - на все, что его окружало. Страх заполнял предметы, людей, (даже не высказанные) мысли - этих людей. И, быть может, от их *невысказанности*,-- но "предполагаемости",-- эти мысли были еще страшнее.

И при этом, действительно нельзя было говорить (просто незаслуженно по отношению к нему) чтобы в каких-нибудь его действиях можно было искать (хоть незначительный) признак какой-то *преднамеренности*. Нет, нет, и еще раз нет. Сергей Аполлинариевич Безроднов был, по сути, настолько "невинен" (в своих даже самых потаенных мыслях), что иной раз создавалось впечатление, что вы общаетесь с ангелом.

Правда, вот его раздражительность... Как-то я ему заметил, что "ангелы" так себя не ведут. Хорошо что Безроднов меня попросту не понял. А то и , чего доброго, обиделся бы. Ведь - обидчивость, да мнительность - были такими же непреложными чертами его характера, как и - уже упоминаемое мною раньше - тревожность Сергея Аполлинариевича. Как подозревал я, все это было невольным следствием неврастения Безроднова. И словно в оправдание его невинности, говорило то, что после вспышек безумия - на Сергея Аполлинариевича находило такое истощение, что он, бывало, засыпал на месте, недалеко успев уйти от места "выражения своих чувств". И ведь в мыслях Безроднова,-- никакой агрессии и не было. Он был глубоко несчастный человек - и с этим необходимо было считаться...

Глава 11

Несмотря на, казалось бы, некоторую мою схожесть с характерами моих же знакомых, никогда особой дружбы у меня ни с кем не было. И почти невозможно предположить, кто же из нас - друг в друге - больше нуждался. Но мне почему то всегда казалось, что именно мне, приходилось все время "подстраиваться" под других. И тогда, когда хотелось что-то высказать в лицо (а то и врезать, по этому самому лицу),-- я всегда сдерживал себя. И, в итоге, в какой-то момент я ощутил, что превращаюсь в некоего "молчаливого" субъекта. И тогда мне пришлось сделать "срочную" корректировку своего общения с людьми. Общаться с ними, конечно, я больше не стал. Но если

оказывалась на то *необходимость*, то выражал полное радушие, и, чуть ли не действительно, проникался из заботами и тревогами. (Притом, что, быть может, так и было). Но для осуществления подобного, мне требовалась некая универсальная защита. Своеобразный щит, который был бы способен принимать на себя весь негатив, исходящий от других. А заодно, как бы, позволял мне - более трезво подходить - к общению - с ними. И, волей-неволей, мне пришлось придумать для себя некую "защитную" маску. Благодаря которой, я мог отсеивать нежелательных субъектов, с их (такой же не нужной для меня) информацией. И эта "маска" столь прочно вошла в мою жизнь, что я уже начинал играть с самого утра, стоило только проснуться (иной раз случалось и во вне. Но, понимая, что начинаю переигрывать, решил, что во сне, все же, необходимо быть самим собой).

Я не могу сказать, что это совсем плохо. Вероятно, настолько, насколько эта мера была необходимой, настолько же она являлась и оправданной.

Другой вопрос, что большинство людей, нисколько не догадывалось, что Розенталь носит эту самую маску. А потому, у него со временем оказалось вполне значительное количество, если не друзей, то, по крайней мере, людей, желавших с ним общаться. И это было немного удивительно, при его, в общем-то, нелюдимом характере.

Но и сам Розенталь стал замечать, что он удивительным образом "меняется". И настолько, насколько он любил тишину и одиночество, почти настолько же, он полюбил оказываться в "центре внимания". Ему просто стало нравиться общение. И,

следуемое за этим "общением",-- одиночество. И уже трудно было сказать, что же больше ему нравилось? Притом, что, все, вероятно, стали привыкать к столь "забавной" специфике психики Льва Марковича. И даже относится к этому,-- с "пониманием".

Бывало, что к Розенталю было не возможно дозвониться часами. А иной раз, наоборот,- трубка "предательски" молчала. Несмотря на любую частоту попыток дозвона.

И быть может, и нельзя было считать Розенталья таким уж "странным". Хотя... каким он тогда был?..

Глава 12

Лев Маркович Розенталь задумчиво сидел на балконе своей собственной квартиры. Вот уж как два дня он никуда не выходил, и, с одной стороны, это вполне можно было объяснить напавшей на него хандрой,-- с другой... Впрочем, вероятно, у Розенталья начиналась депрессия. А причина?.. На днях ему исполнилось сорок два. Возраст, как считал Розенталь, окончательного расставания с иллюзиями. И, наверное, одна из последних (если не последняя) попыток,-- что-либо изменить в собственной судьбе...

Лев Маркович задумался... Он не обращал внимания на периодически еще раздававшиеся телефонные звонки (в один из кратковременных переходов: балкон - кухня - туалет - ванна - гостиная - балкон,-- Лев Маркович отключил телефон). Он не включал ни радио, ни телевизор. Ему ни кого не хотелось видеть. Ни с кем не хотелось общаться. Да и вообще - в эти два дня - ему вообще ничего не хотелось (даже к своим многочисленным записям: на разные

темы: научные, художественные - полгода назад он начал свой первый роман, публицистические - Лев Маркович не притрагивался)... Быть может впервые, Розенталь подвергал серьезному пересмотру свое "настоящее". Анализируя,-- "прошлое".

Впервые за многие годы, Лев Маркович Розенталь (без многочисленных, бессознательно случившихся с ним раннее, "купюр", заключавшихся в "замалчивании" и "вытеснении" особо болезненной для него "правды") способен был общаться сам с собой. И настолько, насколько медленно открывавшаяся перед ним картина "действительности" представала в своей первооснове, почти настолько же Розенталь и оказывался - "доволен". Ведь перед ним представала "правда". Та "правда", которой боялся он раньше. А ведь анализировать, понял Розенталь, можно было только "правду". Иначе - как все время до того - получался лишь искаженный вариант "реальной" действительности. И этот худой, высокий человек с изможденным лицом действительно уставшего человека - с разом - словно почувствовавшими "оттепель" -- открывшимися многочисленными морщинами, (каждая из которых, должно быть, была витком или итогом какой-либо случившейся трагедии, в полном осмыслении которых мы иной раз даже боимся признаться себе признаться), одиноко "взирал" на свое прошлое... И ему совсем не хотелось "возвращаться"...

А ведь, если разобраться, совсем мало кто знает, что помимо той жизни--легенды, которую он сам, за время собственной жизни придумывал, помимо той - периодически "выпрямляемой" биографии - скрывалась и другая жизнь...

Тогда, Льву Розенталю, было только двадцать один... Он только-только переехал в Ленинград... Он был еще очень молодым человеком. Со свойственными юности - амбициями. И желанием оказаться, быть может, тем *единственным* - кому удастся "изменить мир"...

Видимо, стремясь оправдать (столь лестное для провинциального ученого) "приглашение" в столицу (пусть и вторую), Лев Маркович принялся с неистовостью отдаваться науке, и уже за год - закончил работу над (первой в его жизни) диссертацией.

Все было готово. Близилось время "защиты". Как вдруг, Лева Розенталь почувствовал какую-то внезапную "отчужденность" от окружающего мира.

В кругу, в который он, волей-неволей, входил (среди людей, с которыми Розенталю "приходилось" общаться), мнения разделились. Кто-то полагал, что столь неожиданная метаморфоза в поведении - связана "с женщиной" (какая-либо возможность заметить "женщину" в жизни Розенталья напрочь исключалась его "скрытностью"); кто-то считал, что попросту был дан "слишком резкий старт"; и вполне понятно, мол, что "психика не выдержала". Были и те, кто предположил, что, дескать, Розенталь -- "дугая" фигура. Имеющая к науке весьма "опосредованное" отношение. И, мол, только оказавшись перед "соблазнами" цивилизации - Розенталь сник. Не выдержав "огней большого города". И все то, от чего он раньше отказывался,-- теперь стало господствовать над ним. И Лев Маркович, мол, просто попал в зависимость к давно бушевавшим в нем (тайных и скрытых) "потаенных желаний", инстинктов; "низких" инстинктов...

Вопрос, вероятно, может до сих пор оставаться открытым. Тем более, в последующем, Лев Маркович

удивительным образом не только научился отделять одних своих знакомых от других, но и практически добился того, чтобы они - "не пересекались". А то и вообще - не знали о существовании друг друга. К тому же, в зависимости от первоначального метода исследования, можно с долей вероятности (и достаточно легко) подогнать одни факты - под другие. Объяснив (тем самым), все что угодно. В соответствии - с выбранным "сценарием".

В общем, как бы то ни было, но Лев Маркович - (тогда еще,-- Лева Розенталь) - внезапно переориентировался на несколько иную жизнь; практически беспристрастно (что наверняка было загадкой для окружающих) оценивая свое "новое" состояние, не только как единственно возможное,-- но и: оправданно-необходимое. И Лев Розенталь - довольно смело (и уверенно) пошел на поводу собственного бессознательного, поддавшись ранее "запретным" порокам общества, как то: карты, женщины, наркотики, вино... А так как, для всего этого нужны были определенные средства, то вскоре Лев придумал самый незамысловатый способ, практически бесплатно получив и то, и другое, и третье... Да и все остальное. Рассудив, что все, что он так внезапно возжелал, находится в одной плоскости - он (без зазрения совести) и устроился в то место,-- где это все - было. Доступно.

Лев Маркович устроился в ресторан.
Администратором.

Уже много позже, анализируя тот период, Лев Маркович удивился, как ему удалось беспрепятственно "войти в самое сердце разврата"?.. Может, сыграла роль

молодость? Может - внешность? (Где-то, должно быть, - и интеллект)? А может, просто, - вовремя оказался в нужном месте?.. Но уже как бы то не было, - Лева Розенталь оказался тогда наделен достаточными функциями и обязанностями,-- для осуществления своего плана. И он достаточно умело извлекал из этого - свою выгоду.

Например, "по долгу службы",-- он "курировал" работу официантов, барменов, и поваров. А потому, всегда был не только "накормлен", но и принимал "подношения" в виде - пива, конька, шампанского - и процента от чаевых. "Закрывал глаза" на проституток,-- и был всегда "обслуживаем" ими. "Помогал" клиентам "достать" такси,-- и в любое время пользовался услугам таксистов (которые еще и "отстегивали" ему - за особо богатых пассажиров). Кроме того, ходили слухи... Впрочем,-- это были только слухи. (Хотя поговаривали, что Лева имел еще какие-то дополнительные доходы, от некоторых криминально настроенных сограждан, которым он помогал... Но это информация, которую было не проверить). Еще говорили, что через Леву - часть информации уходила "наверх". Но где - этот самый верх? Тем более, что и это только слухи... (Хотя и могло бы показаться, как минимум, странным, что за время Левиной работы администратором ресторана - к нему ни разу не возникло вопросов у "соответствующих" структур. Но может просто везло?!)..

Но уже почти наверняка верно то, что, задайся кто, отыскать причину "разбросанности" Левиных интересов,-- и основную причину, следовало искать именно в том периоде его молодости. От которого, он, впрочем,-- никогда и не отрекся...И, пожалуй, тогда был, как говорится, первый "звоночек". А

второй, произошел чуть позже; когда не только не предполагал повторения чего-то подобного, но, пожалуй, и сам Лев Маркович забыл о "играх" своей юности.

Мы говорим о нескольких - различных, по сути, и по характеру, - "работах" Розенталя; являвшихся следствием внезапной "страсти" к овладению несколькими профессиями. (И филология, в которой Лев Маркович к рассматриваемому нами времени уже получил звание профессора, -- по всей видимости, -- была лишь малой частью всего спектра интересов Розенталя). Также, вероятно, будут любопытны - появление у Розенталя нескольких (отличных друг от друга) имен-фамилий. И многие бы, вероятно, удивились, узнай что, во-первых, Лев Маркович работает еще и в другом месте; причем, -- по абсолютно иной специальности, и под другой фамилией...

И что касается работы... Почему-то создавалось впечатление, что Лев Маркович делал все... без какого-то внутреннего желания... словно мешали ему - какие-то (внутренние?) противоречия. И он, наверное, ничего не мог с этим поделать. Кроме как - смириться...

И уже это, пожалуй, самым негативным образом откладывалось в его подсознании. Усиливая, и без того набирающий обороты, невроз. Тот невроз, во власти которого он находился. Невроз, который начинал диктовать ему "условия" и "правила" игры. Заставлял подчиняться - себе. Невроз, подчиняясь которому, Лев Маркович вынужден был перестраивать и свое поведение...

Глава 13

В полной мере я, конечно же, не знаю (а если хоть что-то и предполагаю, то вряд ли хочу, о том, признаться себе), что, на самом деле, скрывается за сгустком тех внутренних противоречий, которые, пожалуй, и берут свое начало... впрочем,-- это уже другой вопрос... Первопричина все таки кроется именно в симптомах...

Вообще-то, когда я мог действительно возражать или противоречить себе,-- я делал это. И не желал останавливаться, если находил череду противоречий в явном возвеличивании себя (что тоже, признаться, случалось). То есть, я, не "осекал" себя сразу... И какое-то время еще наслаждался собственным величием... И это было действительно блаженство... (Хотя и ошибочное, по сути).

...Несколько беспорядочный ход мыслей Льва Марковича, который он так безуспешно пытался "приурочить" к какому-нибудь "знаменательному" (для его размышлений) событию,-- тем не менее, вновь принимал хаотичный вид. И ему внезапно подумалось, что если что и способно удержать его мысли от хаоса, в который они погружались,-- то это должно быть нечто... неординарное. И если когда-нибудь произойдет что-то подобное, то наверняка,-- будет "не здесь, и не сейчас". Сейчас же,-- Лев Маркович уже и забыл, когда он мог, был способен,-- доводить начатое до конца... А быть может, он всегда был именно таким, как сейчас?.. И если так,-- то и не стоило ему так серьезно переживать и расстраиваться по поводу своего нового состояния. Потому как уже наверняка,-- оно было следствием,

результатом, итогом -- всей его не удавшейся (или удавшейся?) жизни...

И ведь, пожалуй, совсем нельзя было говорить, что жизнь прошла... Но, вероятно, в попытке запутать ее (до неузнаваемости),-- он запутал сам себя...

Но и "простоты" Лев Маркович никогда не желал... Она, эта простота, ему была попросту не нужна... Хотя, быть может, необходима?.. И уже тогда,-- к чему все эти невероятные ухищрения, коими он пытался - так бесосновательно (по роду уже изначально несуществующей причины) - "разнообразить" свое существование... Лев Маркович слишком серьезно занимался наукой, чтобы еще во что-то верить, кроме разума.

Но нет... Он опять слишком удалился... Хотя - удалился от чего?.. Разве что-то еще способно было вернуть его мысли (хоть что-то?) в былое течение... Но на самом деле... куда оно было способно вывести...

Нереальность происходящего, почти изначально, казалась невысказанно несуществующей... но была ли она вообще - существующая реальность?..

Лев Маркович - в который уж раз - прервался, так и не надеясь нащупать хоть какую-нибудь осязаемую (хотя бы - интуитивно подсознательную) реальность... Да и нужна ли она была ему?! Уже давно Лев Маркович практически полностью смирился с тем, что ему, пожалуй, уже и не удастся довести все когда-то начатое до видимого (или уже и не видимого?) конца... Он запутался... А не хотел ли он сам этого?.. Да, быть может, что и хотел... Но, почти тогда, выходит наверняка, что он сам начинал противоречить себе... и своему желанию... Ибо было - тогда - уже это его желание сродни чему лишнему... Ну, или, совсем

ненужному... И уже (отсюда) выходило... что и выхода иного он попросту не мыслил...

А ведь так хотелось за всей этой *невероятностью* рассмотреть что-то важное... нужное... необходимое... быть может, -- "стоящее"... Способен ли был он признаться в некоей нереальности происходящего?.. А хотел ли?! Ведь это означало бы, что почти разом перечеркивались все его недавние (хотя, и давнишние тоже) попытки несуществующего (теперь признанного таким) поиска... поиска истины... или себя... что теперь, в общем-то, одно и тоже... Но неужели он так разбит этой всепобеждающей (да и всепобеждающей ли?) правдой?! А, быть может, это и не "правда" вовсе?.. Вернее - не та *правда*?.. Теперь он, пожалуй, и не знал...

"...никогда не знаешь, что нужно искать...", - Лев Маркович записал первую строчку начала дневника, которого он, вероятно, уже давно собирался начать, но... внезапно, -- в который уж раз,-- прервался. Суматошно-сумасбродные мысли набегали, наслаивались одна на другую, и в какое-то отдельное мгновение у него внезапно проходило вообще желание к чему бы то ни было... Потом, вновь - почти точно также внезапно и непредсказуемо - наступало успокоение (успокоение, которое он почти знал наверняка - будет столь кратким и временным, что иной раз, и упоминать о том не хотелось) и за этим (уже наступившим) покоем - он вновь чего-то ждал (томительно ожидая, и пока - на "что-то другое" надеясь); причем *надежда* была столь призрачная, что было опасение пропустить ее; не разглядеть; и верно потому, она оставалась где-то там, в подсознании..

Но вот в который уж раз - и в этом давно уже стоило себе признаться, - Лев Маркович понимал, что ничего он с собою и не сможет (да и сможет ли когда?..) поделаться; но ведь это не означало признание (признания, почти следующего вслед *осознанию*) того, что у него и не было уже иных вариантов, как попытаться... попытаться... А, быть может, и есть еще надежда попытаться почти напрочь изменить случайно (ведь он действительно так считает) выбранное направление... И, быть может тогда,-- и будет положено начало... (начало конца? или начало - началу?..).

Лев Маркович еще с самых юных (а если и не таясь признаться - с детских) лет, невероятно любил (подобная "любовь" вскоре переросла в привычку) оставаться один... Именно в уединении он находил возможность - почти единственно допустимую возможность - проникать в самую глубь подсознания; и вот, кстати, тогда, на его лице и появлялась та самая "одухотворенная умиротворенность", которая бывало смущала многих... Если не всех...

И, вероятно, тогда же, Лев Маркович стал впервые, в полной мере, выделять, как минимум, две свои жизни... Но вскоре он "переиграл" сам себя; ибо его интеллект оказался настолько развит, что на каком-то этапе Лев Маркович перестал различать где истинное, официальное, а где такое же вроде как и истинное, и даже вроде как "настоящее",-- но... нет, не ложное... и не выдуманное... а, быть может, слегка завуалированное, что ли... И вот за этой искаженной действительностью, он вскоре, быть может, и потерял различие между явственно проступающим настоящим, и тем, другим, которое вроде как тоже было таким, но (иной раз) слишком глубоко пряталось в подсознании...

А, извлекаемое наружу,-- почти тотчас же -- меняло свое истинное предназначение...

Можно даже сказать, что на каком-то этапе, Льву Марковичу даже показалось, что подобное погружение в подсознание, ему, быть может, даже и полезно. Но вот тогда получалось, что то, что было раньше,-- теперь, как вроде бы, и разом потеряло свою, ну, если не актуальность, то уж по крайней мере - *необходимость*... Но проанализировав то настоящее, властью которого он столь внезапно (и самым, что ни на есть, надлежащим образом) стал распоряжаться, Лев Маркович действительно убедил себя (тем более, что на это и не требовалось уже каких-то особых усилий... Как говорить, "почва" была подготовлена...), что это и есть именно то, что нужно...

Ну, а раз так, то в который уж раз посетовав, что не удосужился на подобную возможность обратить внимание раньше, Лев Маркович с полным правом (отбросив - все ранее предпринимавшие - предосторожности) погружался в самую, что ни на есть, глубину своего подсознания; и там, в бессознательном, он с каких-то пор впервые почувствовал, что находится наедине с собой. И быть может потому, Лев Маркович и не особо хотел появляться на людях.

И совсем нельзя было сказать, что это было частью некогда задуманного плана. Конечно же, нет. Но... все было именно так.

Отбросив череду беспорядочных воспоминаний, Лев Маркович задумался над природой своей психики... Выходило, что уже долгое время, он был вынужден жить в некой амбивалентности; тогда как действительную картину того, что он, на самом деле,

хотел,-- Лев Маркович вряд ли мог представить не иначе, как неким повторением уже свершившихся событий. И - что было поистине загадочным - это почти нисколько не означало, что Лев Маркович так-то уж принимал все, что с ним происходило, всерьез; скорее, нет; и уже это свидетельствовало,-- о, как минимум, *запутанности* ситуации; и не более...

Но если честно - менять что-либо он не только не хотел,-- но и не собирался; понимая, что в начавшейся критике, ничего - просто-напросто ничего - не сможет изменить... Даже, если бы сильно того пожелал...

Но и возникающие противоречия следовало решать... Но уже это, наверняка и было самым трудным... Почему?.. Ну, ответ, в какой-то мере, напрашивался сам собой... Вот только вся беда в том, что как раз в этом, Лев Маркович и боялся себе признаться... (Хотя в принципе, он старался ничего (и никого?) не бояться...).

Ну, а то, что ему приходилось лавировать с самим собой?.. Так это, быть может, в какие-то моменты бывает и полезным... Для собственного, так сказать, внутреннего роста... и совершенствования возможностей той же самой психики... (а, быть может, и для успокоения ее). Тем более, что свои интеллектуальные способности Лев Маркович не только уже развил, но и все время развивал, стремясь достичь только одному ему известного "максимума"... Верхнюю планку которого, он все время (подсознательно) отодвигал. Вот так вот.

Глава 14

Алексей Германович Штиль, был своего рода гением. Вернее, он таким вполне мог стать, если бы только мог сосредоточиться в каком-нибудь одном направлении приложения своих знаний. Но вот в том то и дело, что так он не только не мог, не хотел, но и это вообще было ему, как бы это выразиться?.. Быть может подсознательно чуждо?..

В свои, 51,-- Алексей Германович создавал полное впечатление человека, который не только всегда знал, что он хочет (так, быть может, и было), но и человека, сумевшего (в соответствии с подобными "знаниями") добиться того же.

Чуть выше среднего роста, худощавый ("поджарый"), с небольшими залысынами, русыми, всегда уложенными в "модную" прическу волосами, одет "с иголочки", (так что, при виде его, создавалось впечатление эдакого "франта": пиджак всегда подогнан под фигуру, брюки отутюжены, рубашка "наисвежайшая", галстук... в общем, от низа до верха - все было не только более чем идеально, но и больше чем говорило о том, что человек живет в полном согласии с собой); да, к тому же, и в выражении лица, читалось... нет, у Алексея Германовича не было и намек на высокомерие; скорее,-- в его взгляде - просматривался только ум и... образованность... В принципе, два высших образования (химический и исторический факультеты вуза), и ученая степень кандидата наук (филология), -- видимо, к тому и располагали... Помимо прочего, Алексей Германович

производил впечатление если не энциклопедически образованного, то, знаете, эрудита - как минимум...

Любопытно, что род занятий Алексея Германовича был несколько далек от полученных профессий; работал он журналистом. Специализируясь - на освещении проблем социального характера. Быть может, на этой "стеже" он и сошелся с Львом Марковичем, познакомившись на одной из конференций, проходивших в Москве. (Вернее,-- познакомились они в поезде, волей случая, оказавшись в одном купе - оба были из Питера).

Кстати, что касается отношений с людьми, то, можно сказать, что Алексей Германович довольно легко завязывал знакомства; был (невероятно) общительным и "располагающим к себе" человеком; и всегда производил "подобающее" впечатление на собеседника (да и просто на окружающих); можно было даже смело утверждать, что именно с ним (а не он), в первую очередь, желали общаться; но, по большому счету, Алексей Германович особо не противился; потому как, невероятно любил, оказываться "в центре внимания"...

Скажем сразу, что лишь те, кто слишком хорошо "разбирался в людях",-- а эта категория, в принципе, всегда достаточно малочисленная,-- через какой-то период общения с Алексеем Германовичем,-- делали о нем, несколько иные выводы; и тогда уже доселе безоблачная картина, как будто таковой, и не являлась... У Алексея Германовича угадывалась и "поверхностность" в суждениях; и не такой уж "проницательный" ум; скорее - природная интуиция, да изворотливость. Да и "внешний лоск" - уже казался лишь подтверждением "наигранности"; ибо, зачастую, оказывалось, что костюм у Алексея Германовича был единственным; а впечатление "внушительного

гардероба",-- создавалось за счет ежедневно сменяемых галстуков да рубашек. (Правда, позже, Алексей Германович, видимо осознав свои некоторые "просчеты", разом купил - десятка два костюмов; тогда как количество галстуков - во всю приближалось ко второй сотне). А еще некогда казавшаяся "изысканной" речь, большей частью свидетельствовала о умении Алексея Германовича, говорить, иной раз, "ни о чем"; (словарный запас был отменным); чем о действительно глубоком "внутреннем содержании" Штиля.

А за страстью к внешней рисовке, уже легко угадывалась и страсть ко лжи... Но, правда, -- и в этом надо отдать должное Алексею Германовичу,-- его ложь порой бывала настолько завуалирована, что только действительно тонкий аналитик смог бы распознать обман; опять же,-- продиктованный исключительнейшим желанием казаться намного лучше, чем человек есть на самом деле... Хотя, в иные моменты, это, быть может, оказывалось и просто необходимым...

Однако было и еще что-то в судьбе Алексея Германовича, что мало кто знал (если вообще знал; ибо здесь проявляется еще одна, в высшей мере загадочная черта характера Штиля). А все дело в том, что все, что Алексей Германович в своей жизни достиг, - достиг он самостоятельно; без каких-либо "протезе" (роль которых, на каком-то этапе выполняют те же родители)... Его же родители - были крестьяне (пусть и относительно "зажиточные"; хотя их "зажиточность",-- была исключительно следствием "трудолюбия": они вспахивали дополнительные - к тем, что были у всех - поля, возделывая ту же кукурузу с тыквой, помимо иных овощей, которые позже обменивали на муку, зерно, или на какие-то товары; выращивали кроликов,--

более полуторатысячи голов; держали с десятков коров; до сотни кур и уток; и вообще трудились "не покладая рук"; благо, что "в хозяйстве" всегда были помощники: помимо Алексея Германовича, у его родителей было еще пятнадцать сыновей; семеро из которых, впрочем, погибли от разных несчастных случаев, не дожив до тридцати лет). Именно родители разрешили сыну уехать в город, находящийся в трехстах верстах от их станицы. Что почти означало,-- он не вернется обратно. Но они смирились с этим. Быть может, в тайне надеясь, что, когда-нибудь, он все же вернется.

Алексей Германович поступил в институт. После его окончания (с "красным" дипломом) учился еще несколько лет - второй вуз, плюс аспирантура. И в какой-то мере действительно "грамотно" реализовал природные способности, за короткий срок, сумев перебраться ("на повышение") из Ростова - в Ленинград (ныне - Санкт-Петербург).

Вот такой человек был Алексей Германович Штиль. человек - "сделавший себя сам".

Глава 15

Иван Иванович Иволгин - а это был один из самых близких друзей не только Штиля, но и Розенталя - уже как второй час не мог уйти с одного и того же магазина.

И нельзя сказать, что магазин-то был большой. Так, с десятков секций, идущих по кругу (находясь в поле зрения нескольких продавцов одной стороны, можно быть абсолютно невидимым для тех, кто располагался с другой). А с учетом того, что в магазине (промтовары) всегда было много потенциальных

покупателей, вполне можно быть уверенным, что ты не будешь подвержен такому уж "вниманию" (что, признаться, всегда пугало Иволгина). Быть может потому, Иван Иванович Иволгин никуда отсюда не уходил. Хотя, конечно же, не поэтому. Он действительно хотел что-то себе купить. И вот этим "что-то", -- должна была стать рубашка (под костюм, который он на всякий случай принес с собой же). И вся беда Иволгина заключалась в том, что он никак не мог решиться обратиться к продавщице, с просьбой примерить понравившуюся ему модель.

Нет, конечно же, в магазине была "примерочная". Быть может даже несколько ("три" - как подсчитал Иван Иванович). Но вот решиться на "примерку"... Это пока было выше сил... В который уж раз, Иван Иванович, мысленно "просчитывал" возможные варианты "сценариев". Например, продавщица могла ему попросту "отказать"; сославшись, что, мол, "мерить тут нельзя". Против этого, конечно, говорило - наличие "примерочных", но (уже в этом случае), возможный отказ выдать рубашку "для примерки" - а вот это уже было более вероятным - тем, что все рубашки одного размера - одинаковы.

Но вот в том то и дело, что Иван Иванович не знал своего размера... Или - что справедливей - не помнил... Нет, конечно, какие-то цифры крутились в его голове... 44... 46... 48... Но вот какой именно размер был у него?... Кстати, по костюму тоже нельзя было узнать. (Об этом Иван Иванович уже думал). Его аналитический ум выдавал одно решения за другим. Но все они - его не устраивали. Но он все равно "просчитывал" возможные ситуации; начиная от своего предполагаемого поведения, и, заканчивая, поведением других.

Да и костюм-то, Иван Иванович покупал очень давно; лет десять назад. Бирку же (с номером размера) с костюма, - он срезал еще в прошлом году (в самых мельчайших подробностях он помнил, как это сделал). Так что, этот вариант, получается, тоже отпадал. Конечно, может, стоило просто подойти к продавщице, и, понадеясь на нее - попросить "прикинуть" его размер... Но (Иван Иванович уже в страхе качает головой) на подобное решиться Иволгин был не способен...

Что же ему оставалось?.. Были еще несколько "вариантов", которые он заранее отметал, как невозможные для осуществления им самим... вернее, так мешавшей ему ("больной"? да может и больной!) психики ("заложником" которой он стал с недавнего времени).

Еще можно было найти в толпе покупателей какого-нибудь (схожего с ним комплекцией) мужчину. И спросить об "их общем размере"... (Но, только подумав об этом, Иволгин шарахнулся в сторону, испугавшись, что его вопрос -- может быть неверно истолкован). Был и еще вариант. Позвонить, например, бывшей жене; с которой развелся как раз десять лет назад (костюм, лежащий в пакете, был результатом их совместного похода в магазин). Притом что, они действительно периодически созванивались. Вернее, звонила она (желая - из любопытства - узнать: как он там "устраивает быт" без нее?). А природная слабость характера Иволгина, и его (излишняя) неуверенность, -- не позволяли "запретить" ей эти звонки. ("Звонки" бывшей жены были еще мучительны и тем, что разговор она неизменно заканчивала сетованием, как он, мол, *плохо* живет без нее. И как *хорошо* - живется ей. И уже потому он ей звонить не хотел (это только бы еще

раз подтвердило ее "теорию" о его "несостоятельности"). Тем более он вспомнил, что последний раз они созванивались полгода назад. И потому вопрос со звонком отпал как бы сам собой...

Еще можно было...

-- Да какая разница! -- в сердцах выдохнул (или вздохнул; выдох почти всегда предполагает, какую-никакую, но уверенность; но даже малой доли ее - у Иволгина сейчас не было). И потому в который уж раз, он, то задумчиво ходил мимо прилавков (делая вид что рассматривает другой товар, хотя мысли крутились около одной покупки), - то курил одну за другой сигареты (выбегая для этого на улицу). И в голове Иволгина мучительно крутился только один вопрос... И уже этот чертов вопрос,-- совсем не давал покоя...

-- Как же ему купить рубашку?..

При этом и уходить-то он не хотел... Тем более, что вот так вот, ("ни с чем"), уходил до того уже несколько раз... Да и покупал, кстати, рубашки не примеряя тоже несколько раз... (Не те!..).

А потому в этот раз Иван Иванович для себя решил, что сделает "покупку" обязательно. И это будет именно той рубашкой, которая ему была необходима...

Но если еще недавно подобная "уверенность" была достаточно сильна (что бы могла найтись какая-то причина, способная лишить этой самой уверенности),-- то к концу четвертого часа безуспешных попыток - Иволгин уже готов был купить все что угодно. Но - боялся...

Кстати, и внешне Иван Иванович походил на какую-то "неуверенность". Фигура его была нескладна, худа, длинна, лицо вытянувшееся - то ли от "удивления"

самой жизнью ("такой" - жизнью!), то ли от характерной для Иволгина тревожности... чуть ли не страха (и как минимум - постоянного беспокойства).

Было ему сорок три года. Но как раз это совсем и ни о чем не говорило; ибо точно "таким же" -- он был и в двадцать, и в тридцать, и, пожалуй, останется в пятьдесят... К тому же, сказать сразу, сколько ему было лет - показалось бы невероятной загадкой (и, как минимум, было весьма затруднительно). Что до его работы, то был он представителем самой что ни на есть вольной профессии... Художник... И, случилось, что месяцами сидел без денег (занимая и перезанимая); а потом, (после какой - удачно проданной - картины), - разом отдавал все долги; а на остальные деньги -- накупал красок да книг (читать любил), и... вновь оставался без денег... Но это так... Еще одна из характеризующих его деталей, что ли...

Глава 16

Гай Романович Юрин, был, в общем-то, фигурой "значительной" по своим масштабам.

Блестящий математик, с отличием закончивший консерваторию и защитивший диссертацию на философском факультете МГУ; к тому же еще и спортсмен... впрочем, последнее, пожалуй, было только и верно. (Юрин был призером чемпионата Европы по фехтованию). Тогда как все остальное?.. Как бы сказать, чтобы Гай Романовича не обидеть?.. Притом, что и не Гай Романовичем он был вовсе. И если уж представлять его, то следовало признаться, что звали его... (хотя нет...

как раз все звали его Гай Романовичем... а вот имя по паспорту было - Дмитрий...). Ну, Дмитрий, так Дмитрий... А то, быть может, и попросту -- Дима (по возрасту-то, тридцать с небольшим, можно было и так величать). Но... в том-то и дело, что звать он себя просил,-- Гаем. Ну, то есть, Гай Романовичем (хотя и настоящее отчество было другое). А что касалось возраста?.. Годков, этак, с десяток,-- он накиннул себе сам. (На будущее. Точнее - к скорейшему приближению его).

И не сказать, что любил Гай, то бишь Дмитрий, нет, пожалуй, все же Гай (а если Гай, то почти тогда же и Романович),-- так значит, и не сказать, чтобы Гай Романович как-то специально все придумывал... Уж очень выходило все у него "от чистого сердца"... Так что и заподозрив было подвох, совсем не хотелось разубеждать Гай Романовича в своем ведении (и оставаясь в неведении?); тем более, что подвох (ну, в смысле, то, что я почти всегда догадывался, где "правда" была в его рассказах, а где "вымысел"), так вот, и сам *вымысел* был настолько иной раз - да, быть может, и почти всегда, завуалирован *правдой*, что, иной раз, и запутаться было не мудрено...

А иногда его рассказы были столь красочны, что я и сам был рад "обманывать себя"... И (признаюсь) подыгрывал, ему...

Хотя, если разобраться, был, Гай Романович самым простодушным и доверчивым человеком из всех, кого я когда-либо знал. Включая, должно быть, и самого себя.

Небольшого - метр пятьдесят, пятьдесят пять -- роста, невероятно тонкий (худой и жилистый), Гай

Романович, пожалуй, все делал для того, что бы казаться значительным... И обувь носил на длинных каблуках, и в костюме - тройке расхаживал. Да, вероятно, и истории про себя сочинял все по той же причине... Хотя в консерватории он действительно учился (не закончил); и надежды "как математик" подавал (выиграл две школьные олимпиады... классе в 5-м, 6-м...); и философией, пожалуй, тоже увлекался... Хотя, конечно же, ни о какой аспирантуре речь уже не шла... И, в принципе, неплохим был парнем Юрин...

Да и почему был? Вот завтра, например, как зайвится ко мне, собственной, как говориться, персоной. И начнем с ним вместе придумывать "продолжение" какого-нибудь очередного его рассказа... Из жизни...

Глава 17

"Быть может, мне и неизвестно никогда было чувство настоящей грусти",-- заявил мне как-то Яков Соломонович Бернштейн, несказанно - признаться - меня при этом удивив. А ведь - почти наверняка - я бы мог сказать о нем иначе... И даже, быть может,-- сказал бы я,-- "не грусти" он сторонился; а сам был,-- не иначе как,-- грусть... Грусть и меланхолия (а в придачу еще и доля - или это уже как следствие и грусти, и меланхолии - самокритики... Причем такой, что, иной раз, и у самого руки опускались... От обиды - за друга...).

-- А скажи мне, Лев Маркович,-- спросил меня как-то Бернштейн,-- думал ли ты о том, что останется после тебя на этой земле?

Признаться, при подобных вопросах у меня почти тотчас же возникало непреодолимое желание послать их обладателя куда подальше. (Потому как не говорили эти вопросы, ни о чем, как о... В общем,-- это вызывало во мне раздражение). И уже, видимо, и в этот раз, я как-то "по особенному" посмотрел на Бернштейна. Но "бедняга" неверно истолковал мой взгляд. И продолжил тему. И уже понял я,-- что слова Якова Соломоновича, были лишь "не совсем удачным" *вступлением*... Тогда как поговорить Яков Соломонович, хотел всего лишь о себе.

-- Понимаешь,-- начал он, с опаской все еще поглядывая на меня: пойму ли я и дальше его правильно? -- думал я над тем, "что останется после меня"; и пришел к заключению, что и "ничего"... понимаешь? - "ничего" не останется... Вроде как, жил человек,-- и все!.. (Мне показалось, что от кого-то я слышал подобное?). А ведь хочется... (Яков Соломонович задумался... А потом и вовсе - замолчал).

-- И долгая - долгая пауза образовалась у нас; прежде чем я сумел - вновь разговорить его. Хотя уже вскоре понял,-- что, на самом деле,-- ничего у меня и не получилось. И тогда мне вдвойне стало неудобно... Неудобно настолько, что сам себя я принял за виновника в чем-то... Хотя в чем?..

И вот еще вопрос... Мне всегда было жаль Бернштейна... И казался он мне безобидней, чем вообще мог быть человек; и я считал, что, помимо сожаления, и не вызывает он ничего более... Да и как было его не жалеть?.. Это было настолько безобиднейшее существо, которое, быть может, раздавив муравья (случайно, в лесу, или на даче - которой, все же помниться, у

Бернштейна никогда не было), будет сожалеть о своем проступке весь оставшийся день; а если случится то ночью, - то и не уснет уже больше...

Да и одиночество Якова Соломоновича, никак не способствовало, к хоть какому изменению моего мнения о нем... И уже достоин он был - только жалости...

А ведь он вполне мог чего-то и достичь в этой жизни... Быть может, если бы, попал в свое время в несколько иную социальную среду... Да, быть может, будь и "генетика" у него чуть иной... Но это уже, вероятно, из разряда несбывшихся надежд, да фантастических желаний... Одним словом - одна фантазмогория, да и только...

А ведь и жаль мне было Бернштейна... Пожалуй, мне и впрямь было его жаль... Хотя, не сказать, что мы особо дружили... Скорее так... "Общались" просто. Но я чувствовал, что что-то меня притягивало к Якову Соломоновичу... (Как и его ко мне...). Быть может, этим "что-то", было то, что я, как никто другой, его понимал?.. Понимал его "слабости", которые, по сути, и не считал таковыми?!

Глава 18

Признаться, я и впрямь, никогда бы не подумал прежде, что, будучи от природы наделенный некоторыми способностями, должен еще за это нести и какую-то дополнительную плату. Но, по всей видимости, как я считал, слишком архаичное выражение: "За все надо платить", вполне имело для меня тот особый смысл, который, казалось, сам по себе делает все возможное, только чтобы его воспринимали

всерьез. Ну, быть может, так оно и должно было быть. Или случится. Но и действительно, почти до самого последнего момента, я как будто еще всяческими (уже казавшимися смешными и нелепыми) усилиями, стремился отдалить наступление этой т. н. "расплаты".

-- То ли еще будет,-- как уже не раз было, где-нибудь услышав совсем не обращенную ко мне фразу - невероятно совпадающую с моими мыслями - я, так или иначе, проецировал ее на себя; и уже оттого, реальная - на тот момент - действительность, казалась еще печальнее, в своем значении. "То ли еще будет!"...

Что до "платы" (звучащей теперь, как "расплаты"), то, в случае со мной, имела она совсем уж негативно-неприятное значение. И уже видимо от того, через время, дав мне (лишь на миг) "насладиться" результатами наличия у себя "таланта",-- мне был выставлен "счет". По которому ничто, что раньше имело какое-то значение,-- теперь было не важно. А мне пришлось (чуть ли не впервые) задуматься,-- о "соразмерности", подобной "платы"... Да и за что? - задавался я вопросом. И, как всегда, уже и не искал ответа. Понимая, что его попросту нет. И - не могло быть.

Что же касалось "расплаты", (или все же "платы"),-- то, можно сказать, был я к тому "подготовлен". По крайней мере,-- внутренне. И я конечно же, нисколько с не тешил себя тем, что все должен "спустить на тормозах"... Хотя?..

Глава 19

Если совсем уж непредвзято относится к пройденному жизненному пути, то, скорее всего, и невозможно будет отыскать того, что потворствовало, уж совсем бы негативным мыслям. Но уже с другой стороны,-- моя жизнь была окрашена исключительно в мрачные тона. И частичные, лишь иногда встречающиеся "просветы", в зависимости от преломления света, вполне могли - и не казаться таковыми.

И при всем при том, явно осознавая текущее "положение" (а "правда", и "полуправда",-- иной раз невероятно пересекались),-- я никогда не пытался *воздействовать* на ситуацию; а если что-то и напоминало такое мое "желание" (хотя всегда, один и тот же факт, можно интерпретировать по разному), то это происходило, скорее,-- "само собой". В том плане, что в этом, как будто, не угадывался мой (такой уж явный) смысл.

Я действительно не стремился "выправить" ситуацию. Но, вероятно, и не смог до конца отказаться от этого. Впрочем, выходило это большей частью бессознательно. И нужно совсем меня ненавидеть,-- чтобы углядеть в этом какой (мой) злой умысел... И уже тогда, быть может, я сознательно уходил от необходимости делать какой-либо выбор?.. Доверяя истории - двигаться в "хаотичном" порядке...

Но уже если так,-- то откуда тогда мое патологическое чувство вины?.. (Причем, как обычно,-- не за сам "факт случившегося",-- а лишь только за "намерение", чего-то подобного...).

Причем, попытки какой-либо оценки свершившихся фактов,-- по прошествии какого-то времени,-- представляли передо мною в совсем ином

(негативном) свете. И что же мне надо было делать тогда?..

Иногда так происходило, что в людях, встречавшихся мне, я с какой-то невероятной легкостью находил свои черты. С такими людьми, мне, конечно же, хотелось общаться. Но вот других людей, -- я, иной раз, ненавидел. И уже доставляло уже мне - какую-то особую тревогу. От которой, было не так то легко и избавиться.

И зачастую, я и совсем не мог разобрать: где же я "настоящий"? Потому как, приходилось не только "подстраиваться" под какую-либо (конкретную) "ситуацию", но и делать это по возможности незаметно. Что, признаться, было нелегко.

И вот еще что... Иногда мне казалось странным, - что в совсем различных людях - я "находил себя". Напрашивавшееся "объяснение", -- говорило о том, что я попросту ошибался. И наделял своих "товарищей", -- совсем несуществующими характерами.

Причем, какое-то время, я еще, видимо, держал в памяти - соотношение между "правдой" и "вымыслом". Но потом эта грань стиралась. И я уже вконец - запутывался сам. Но "игру" при этом - не заканчивал. И оттого, вероятно, намного печальнее бывали последствия - моего "разочарования".

Но иного выхода - я и не видел...

Глава 20

"Никогда, ни до, ни после своих нынешних лет, Яков Соломонович Бернштейн уже не обретет такого счастья, которое окружает его теперь..." -- записав эти

строчки в свой дневник, который он все же намеривался вести - Яков Соломонович задумался. Его всегда считали "странным". И он об этом тоже знал. Хотя был ли он таким уж "странным" на самом деле? Или эта его "странность", все же была некой проекцией (переносимой на него) других людей?

Быть может, так и было... (Хотя стоило еще какое-то время поразмышлять об этом, и появлявшиеся мысли уже начинали запутывать его самого). И наступала та ситуация "схожести с лабиринтом",-- которой, Яков Соломонович, всегда почему-то страшился.

К сожалению, Бог его не наградил какими-то "выдающимися" талантами. И это он знал сам. (Должны были пройти годы, чтобы Яков Соломонович себе мог в том признаться).

А ведь ситуация и на самом деле получалась весьма забавная. С одной стороны, признание сего (нелицеприятного) факта означало, что он, как говорится, расписывался в собственном бессилии... Но с другой, выходило, что Яков Соломонович должен был начинать извлекать, как минимум, и какую-то "выгоду" с этого. Чтобы, хоть как-то,-- "компенсировать - потерю". Свои недостатки. Свою - "ограниченность".

И Яков Соломонович нашел выход (который давно и напрашивался сам). Ему необходимо было, просто-напросто, *завуалировать* "правду". Этот, т. н. "реализм". И уже означало это, что необходимо было направить "все силы",-- на формирование, например, "нового имиджа"...

Сможет ли он это сделать?.. А почему бы и нет?
Вот только...

В какой-то момент Яков Соломонович подумал, а, собственно говоря, надо ли было это все делать?.. Надо ли было, как-то "противиться" - своему собственному "Я"?.. И если так,-- то это вполне серьезная борьба. В которой, вполне могут быть - и *поражения*.

Но их Бернштейн уже не страшился. Он попросту устал бояться.

Яков Соломонович с детства ощущал свою зависимость от других. И родители здесь не в счет. "Зависимость" от них - и не "зависимость" вовсе. Да и не осознается это в полной мере. Тем более, что помимо родителей, Яков Соломонович,-- а тогда просто Яша,-- терпел серьезные неприятности от своих дворовых "приятелей"; которые, вероятно, считали своим (порой, чуть ли не ежедневным) долгом,-- или поколотить Яшу при встрече, или (если вокруг было много свидетелей),-- попрактиковаться на нем в "словоблудии"... Что им,-- надо заметить,-- удавалось почти всегда; и верно уже оттого,- постоянный, унылый вид Яши. Причем, подобная меланхолическая грусть, ничуть не прошла у него и с возрастом (всегда находились какие-нибудь причины для тоски). А потому и не удивительно, что, в своем нынешнем возрасте, Яков Соломонович был все так же - уныл и хмурен... А еще этот человек притягивал к себе неприятности. Причем, иной раз, и не к чему, навряде, было подкопаться. Да и сам Яков Соломонович думал, что "пронесло". Ан нет: какая-нибудь "гадость" все равно находилась. Да еще возникала настолько неожиданно, что впору было хвататься за голову. И уже

самые отвратительные мысли лезли в голову. Но разве можно было их избежать?..

Но самое страшное,-- подобные неприятности настигали и тех, кто, на тот момент, был с Бернштейном рядом... А это уже было действительно несчастье... И хоть не все смогли правильно догадаться о причине, но кое-кто, сопоставив (повторяющиеся) факты, и обнаружив неизменное присутствие в тот момент рядом с собой Якова Соломоновича (пребывающего как всегда в простодушном неведении, да еще и с глумливой улыбочкой на лице),-- всяческими силами старался оградить себя от общения с Бернштейном. А то и бежал от него со всех ног.

А Яков Соломонович... Яков Соломонович, пребывал в счастливом неведении. И на самом деле недоумевал,-- что же такое "случилось", что люди, с которыми он вроде еще недавно так "премило беседовал",-- теперь не только обходят его стороной. Но и бояться общаться - даже по телефону (показывая чудеса "изобретательности" в выдумывании неотложных дел).

Но ничего поделать с собой Бернштейн не мог. И быть может, правы были те, кто полагал, что жил в Бернштейне, какой-то "комплекс величия". Но в какой-то мере, подобное мы можем встретить не только у Бернштейна. А потому, и если кто собирался "разобраться", - то ни к каким толковым заключениям,-- и не приходил вовсе. А Бернштейн?.. Бернштейн не менялся. Каким-то образом, быть может, надеясь - что это только "недоразумение". И как любое "недоразумение",-- когда-то должно пройти...

Глава 21

Гай Романович Юрин, при своей невероятной внутренней скромности и боязливости (иной раз подобная "боязливость", -- являвшаяся, вероятно, следствием тревог и беспокойства, - переросла в самые настоящие фобические ужасы), был, иной раз, преисполнен самого веселого настроения. И уже, по всей видимости, именно это его настроение,-- прямо таки вынуждало Гая Романовича: поделиться радостью со всеми остальными. Именно в такие периоды, Юрин надевал на себя самые импозантные наряды. Представая перед окружающими,-- в роли разряженного павлина...

Сочетание цветов было невообразимым. Например, он мог надеть синий пиджак, малиновые брюки, желтую рубашку и ярко красный галстук. Сверху набросить белый плащ. На голову водрузить розовую шляпу. (Впрочем, шляпу Юрин носил редко. Предпочитая выставлять на показ свои длинные, завязанные сзади в хвостик, темные волосы).

И, вероятно, к подобным "чуждачествам" (даже не считая их таковыми),-- Юрин привык... И нисколько не замечал какого-то несоответствия между своим внешним видом и... поведением. Ибо как раз его поведение, (особенно, на фоне цветастой палитры), бросалось в глаза. Потому как ходил Гай Романович, уж слишком "осторожно". Иной раз, не только боясь сделать "излишне необдуманый" шаг, но и создавалось впечатление: что каждый его шаг - предвляла мощнейшая "мыслительная деятельность".

А иногда, (и вроде как внезапно и неожиданно для "позади идущих"), - Юрин замирал на месте. И при этом вид у него был как у ученого, стоящего на пороге какого-то гениального открытия. (Что на самом деле

думал Юрин, вряд ли кто взялся бы даже предположить?).

В своей речи, Юрин никогда не употреблял "ненормативную" лексику. Но употребляемые им "обороты", иной раз, казались настолько архаичными, что впору было задуматься,-- в каком он мире живет? Тем более что он, иной раз, "украшал" свою монолог такими "заумными" словечками, что явно это свидетельствовало о Гай Романовиче намного больше, чем бы он сам захотел "раскрыться" перед кем-либо. (Виной всему,-- ошибочное использование лексических значений слов. Запутанность в синонимах. И полнейшее "перевирание", каких-либо неологизмов). Причем, комичность ситуации явно бросалась в глаза любому, кто хоть на миг - задумался - о чем же это говорит Юрин?..

-- ... и вот за этой фантазмагорией,-- сделал Юрин паузу, в предвкушении *одобрения* своей "гениальности" оглядывая нас; а мы тут же зашушукались, засмеялись, попросив (словно "между прочим") *уточнить* значение слова,-- ну... *фантазмагорией*,-- уже несколько с опаской повторил Юрин,--то есть, я хотел сказать - *толерантностью*... Следующее предположение Гай Романовича было о "импозантности"... И уже это - совпала с взрывам нашего хохота. (Правда, мы тотчас же, "опомнились"; и уже дружно кивали головами Юрину; который, казалось, так ничего и не понял, и продолжал говорить не останавливаясь)...

Наивный человек?.. Или дурак?.. Наши мнения разделились.

Что до меня, так мне Юрин, даже чем-то и нравился... По крайней мере, с ним было как-то

спокойно. Не надо было ожидать "обмана". Все было искренне и честно - на пределе. А мы же... мы с трудом досиживали до конца (зачастую это "до конца" у кого-то начиналось уже с момента прихода к Юрину в гости; гостей он, кстати, любил), чтобы, - разбежавшись в разные стороны, - закатиться в самом, что ни на есть, разнузданом смехе. Смехе безудержном... И даже иной раз - казавшимся несколько нервным... Тем более, что в большинстве случаев, потом (когда мы успокаивались) оставался какой-то нехороший осадок. Словно обидели мы ребенка...

Глава 22

По всей видимости, впервые за последнее - и достаточно долгое - время, мне приходится отметить свою полную несостоятельность.

И быть может, нет ничего страшнее (для меня, для самого себя) этого.

Я как бы стал "заложником" своего интеллекта, который одно время (и, каюсь, я этого не заметил; а если и заметил, - не придавал должного значения) начал опережать мое психическое состояние; а после и вообще - "ушел" далеко вперед. Тогда бы его удержать, сравнять позиции!?! Но я и не мог этого сделать (а если мог, - почему не делал?), с каким-то маниакально-мазохистским желанием, наблюдая за его "отрывом", и втайне задаваясь вопросом: какие за этим последуют "последствия"?

Но вот в том то и дело, что пока наше сознание тешит себя "контролем ситуации" (постепенно отпуская

"поводья" управления бессознательным), это самое бессознательное, словно поддавшись - для того только, чтобы "усыпить" бдительность сознания - на самом деле, предпринимает совсем иной маневр; и, оставляя "часть себя" на одном из направлений (под "мнимым" контролем сознания), почти разом, одновременно, предпринимает ряд других попыток. И уже они (почти все) оказываются *удачными*. А когда (словно "опомнившееся") сознание, предпринимает тщетные (и все более кажущиеся в своей нелепости - бесполезными) попытки удержать хоть что-то под своим "контролем",-- ничего не выходит. И тогда уже начинается настоящий хаос (или абсурд). И в этом хаосе и абсурде, наша моя психика теперь вынуждена жить. И почти тотчас же начинают происходить разные "чудеса". Но мне остается - только взирать на это. И уже совсем невозможно что-либо изменить. А если и возникает такое желание,-- уже почти что сам - вынужден отказаться от него.

Да и самих попыток: возвратить "прежнее ощущение действительности", почти что нет. И удается лишь только на время,-- "усмирить" "разошедшееся" бессознательное. Но это все бесполезно... И уже, как вроде бы, сам человек начинает ощущать нависшую над ним безысходность. И это можно понять по реакции окружающих; по "сопоставлению" -- себя "старого", и себя же -- "нового". А потом... Потом уже и не замечаешь ничего... Все плывет в нелепом, наслаивающимся друг на друга движении... Прежние картинки меняются местами. Обработанные бессознательным кадры появляются под каким-то иным "фокусом" изображения. Предстают,-- под другим углом. Становятся заметны - в ином ("сумасшедшем") ракурсе. А через время понимаешь, что ты, как вроде

бы, "сходишь с ума". Но, на самом деле, это тоже обман. Некая, галлюцинаторная зависимость. (А попросту, должно быть, запоздалая реакция -- на что-то еще надеявшегося -- сознания). И, на самом деле,- с ума ты сошел уже давно. И все попытки убедить себя "в обратном", кажутся совсем нелепыми... Да и человек, вероятно, уже понимает все сам... Но ведь никто не хочет во всем этом признаваться... Потому как, на самом деле, самое страшное происходит тогда, когда мы о чем-то признаемся себе. После этого, уже, как вроде бы, и не остается шанса; а наше внутреннее Я - это, пожалуй, единственная инстанция, способная хоть как-то сберечь нас, да защитить - от "неизбежного". И если произошло такое,-- то уже и не остается ничего больше, как только принять, впустить в себя, болезнь... А как только приходит осознание *неизбежности*,-- то уже почти, тотчас же, теряется смысл жизни; в которой, быть может, и живем-то,-- лишь чтобы доказать что-то самому себе... Доказать, что еще можем выжить... И тогда уже приближается (а то и наступает) "начало конца"... И уже нет смысла больше выживать... Бороться... И если жизнь (в нашем понимании) представляет собой исключительно борьбу, то что тогда остается, если совсем пропадает желание этой борьбы... И уже хочется только одного -

Впрочем,-- уже ничего и не хочется...

И тогда начинается пустота... Пустота, или опустошенность... Но теперь уже все равно... Ибо за этими понятиями - скрывается безумие... Безумие, охватившее мое уходящее сознание... И я смотрю ему вслед, и понимаю, что только что потерял самое дорогое, что до сих пор еще, оставалось со мной... Но уже совсем ничего не осталось... Совсем ничего... Или

почти ничего... Но я понимаю, что и это "почти" - уже совсем ничего не значит... Оно такое же "пустое", как и то, что пришло на смену ему... Пустое,-- или "опустошенное"... Но почти и я такой же *опустошенный*... И мне уже совсем ничего не хочется... Не то, что когда-то...

И я действительно остался один... Один.

Льву Марковичу Розенталю было грустно, как никогда. Какой сторонний наблюдатель,-- мог сказать, что подобное *состояние* (и столь *упадническое* настроение), Лев Маркович вызвал у себя сам. Но насколько бы такой человек оказался прав?.. Он оказался бы "не прав",-- уже по принципу. Ибо подобная "правота", означала бы некую *искусственность* и *надуманность*. И, несмотря на то, что подобное, конечно, вполне могло быть, но на этот раз - этого не было. А Лев Маркович... Лев Маркович был таков, что ничего не мог с собой поделать. Даже если б и хотел (он не хотел). И тогда уже ему оставалось все принимать так, как есть...

В какой-то момент, ему разом все "опротивело". Внутренняя борьба - являющаяся следствием глубочайшего самоанализа - привела к такому же глубочайшему внутреннему, душевному кризису. И к тому единственному, что его еще могло спасти - науке, он совсем даже не прикасался...

Не было сил -- себя заставить...

Да и нужно ли это было кому?.. Это был только его, его одного, способ выживания. И он почти точно так же, понимал всю мизерность попыток выжить; цепляться, быть может, за единственный шанс... И как только понял, что и этот "шанс", в любое мгновение (от совсем независящих ни от кого причин), способен

рассыпаться в прах, Лев Маркович начал предпринимать новые шаги, способные позволить ему хотя бы сохранить самого себя... "Тварь ли я дрожащая, или право имею?..". Тварь. Конечно же, тварь... Тварь самая настоящая. Но... Но вот в том-то и дело, что почти филогенетическими правами существования человечества, я и имею право... Имею право... выжить... И всяческими силами, буду выискивать шанс, дающий мне это... право...

Глава 23

Лев Маркович понял, что, быть может, единственная его попытка уйти от власти обвиняющего его внутреннего "Я" (а равно и непрекращающейся и истязавшей его самокритики), это как можно меньше оставаться наедине с собой.

Почти тотчас же, применив все свои способности, знания, интеллект, обаяние...,-- он устроился на несколько (их число постепенно росло) работ. И так получилось, что именно на этом пути (сменив для конспирации - направленной исключительно на обман своего "Я" -- несколько придуманных им имен), - он мог торжествовать первую (в сумасшедшей гонке) победу.

Кем же он теперь был?

Итак.

Главный редактор журнала - Виктор Ярославович...

Преподаватель на кафедре мировой литературы - Генрих Оттович...

Политтехнолог (XXI век давал о себе знать) -
Альберт Игоревич...

Психолог, консультирующий в
посттравматическом центре - Карл Генрихович...

Писатель (первая написанная им книга была
благополучно принята издательствами) - Грегор Штам...

Юристконсульт - Марк Ростиславович...

Экономист (консультант по экономическим
вопросам в бизнес-центре) - Александр Аркадиевич...

И, наконец, он сам - Лев Маркович Розенталь.
Ученый...

График работ был подобран самым
жесточайшим образом, чтобы даже не допустить и
мысли "о пересечении", или наложении друг на друга
различных "работ". Причем, конечно же, на всех его
"работах", Розенталь знали исключительно под тем
именем, под которым он представился...

Новые паспорта (пришлось и на это пойти) были
изготовлены самым тщательнейшим образом...

Возраст был также везде изменен. Так что, в
одном месте (главный редактор, например) ему было 31,
а в другом (писатель) - 47. По 34 - в юридической
консультации и в бизнес-центре. 37 - политтехнолог. 42 -
преподаватель. 45 - психолог...

И, в принципе, "правду" узнать никто и не
пытаться... Тогда как, самому Льву Марковичу
Розенталью, было... Было как-то боязно... И в итоге, он
все вынужден был (от подобных перетурбаций с
"работами") все же отказаться... Опять же,
испугавшись,-- только самого себя... Испугавшись того,
что начинает сходить с ума. Точнее,-- "сходит" уже
окончательно. Но именно эта смена работ

(проводившаяся в некоем "одновременном" порядке) - помогла ему. Она позволила ему,-- избежать самоубийства... И в этом он мог быть (сам себе) благодарен...

Глава 24

Сергей Аполлинариевич Безроднов, мучился от начавшихся (внезапно накотивших как снежный ком) противоречий. С одной стороны, (где-то там, в потаенных уголках души), ему хотелось заниматься музыкой. (Все таки закончены - музыкальная школа, консерватория... Да и 25 лет музыкального стажа никто не отменял). Но уже с другой, - Сергей Аполлинариевич понимал, что его "ненадежное" психическое состояние, попросту не даст ему и дальше "раскрываться" в этом направлении. А значит - работу требовалось менять.

Нет, конечно же, еще можно было "уйти на покой", на заслуженную пенсию.

Но вот в том-то и дело, что эта самая "пенсия", попросту могла оказаться смертным приговором самому себе. Хотя бы потому, что все зарабатываемые (иной раз немалые) "гастрольные" деньги, Сергей Аполлинариевич благополучно тотчас же прогуливал. Рестораны, мальчики, девочки... Да и сам пенсионный возраст... Безроднову было только 47. "Только", или "всего",-- но этого явно было мало.

Да и не хотелось.

Но даже и не из-за этого переживал сейчас Сергей Аполлинариевич (хотя,-- чем не повод?!). Беспокоившая его проблема, в какое-то время обозначила себя более чем явно. Непрекращающаяся (уже непрекращающаяся) хандра, апатия, выростала в

текущую (действительно не прекращавшуюся с наступлением нового дня) неуверенность, тревожность, и беспокойство (а ведь с подобным "набором качеств" Безроднов раньше как-то жил); заставляя не только в бессилии повисать его руки, но и прямо-таки вынуждало - любыми путями, прекратить страдания.

Хотя, быть может, на подобное он бы никогда не решился. Любое решение - для него тоже представляло невыполнимую задачу.

Да и его *несобранность* поражала. Ведь сам же он (в подсознании... в подсознании...) хотел "исправиться". Но вот только и сам уже знал, что это ему не под силу. Хотя желал... Как же он желал этого... В иные минуты, мысли о собственной никчемности (слово: "ничтожность" -- тоже появлялось в его голове), почти неминуемо приводили его в столь плачевный вид (внешний... Внутренний уже давно был таков), что Сергей Аполлинариевич принимался, было, в раздумчивом возбуждении ходить по комнате (со стороны картина довольно комическая - прихрамывающий, палка отброшена прочь, вернее, о ней даже не вспоминали, с взъерошенными редкими волосами, эпизодически поблескивающей в свете лампочки, одной горевшей из 3-х, дневного освещения, перекошенное от ужаса лицо, с застывшими, от ужаса же, глазами, и при этом, кажется, тронь этого человека пальцем, и он зайдется в рыданиях), пока действительно, застывал, чуть ли не на месте, а через секунду - другую - он уже рыдал, завалившись на диван, и, казалось, ничто уже не сможет помочь ему в его несчастьи...

...Проходили дни. Сергей Аполлинариевич, как вроде бы, (казалось), приходил в себя; пока вновь (даже не чье-либо слова, а лишь собственные мысли) у Сергея Аполлинариевича не начинался "приступ" необъяснимой тревоги; заставляющий его, иной раз, залезать под тот самый диван (на котором рыдал до сих пор); и находился он там, порой, до нескольких суток; достаточно неохотно выползая (да и передвигался,-- полу-ползком, полу-перебежками) для отправления естественных потребностей, которых, впрочем, у него уже вскоре почти и не осталось (аппетита даже в перспективе не предвиделось). И тогда он лежал в своем убежище сутками. Пока подобное "состояние",-- не проходило также внезапно, как и начиналось. Но и это еще совсем ничего не означало. Потому как, Сергея Аполлинариевича начинало мучить чувство вины. А почти вслед за ним - наступало какое-то (уж слишком горькое) раскаяние. И тогда Безроднов (искренне и неподдельно) принимался корить себя; недоумевая, как же с ним такое могло случиться?.. Но уже почти тотчас же, чувство вины вытягивало за собой страх (а то и, самый настоящий фобический ужас. И тогда Сергею Аполлинариевичу было "не позавидовать". Ибо являл он собой, даже не "недочеловека"; а какого-то загадочного существа. Да и то казалось, что, быть может, уже и не было Безроднова. А было нечто иное, как визуальный обман; вызванный фокусом преломления лучей (отраженных от, черт знает чего). И тогда уже становилось страшно. (Хотя кто - даже случайно - видел Сергея Аполлинариевича в то время?).

В таком своем состоянии - Сергей Аполлинариевич, как никто иной (Бернштейн, например. Или Иволгин...), подходил для моих

психологических наблюдений. И вскоре, признаюсь, "материала" было накоплено столь много, что мне (поистине) приходилось сожалеть: будь я писатель - так описал бы все (неминуемо бы описал; даже "приукрашивать" ничего бы не пришлось) в каком своем романе... За который, быть может, (а почему бы и нет?!) наверняка когда-нибудь и возьмусь...

Пока же мне, хватало и общения с Безродновым...

Да и с другими тоже...

Глава 25

Собственно говоря, я, пожалуй, и не за что бы (ранее) не согласился, если бы кто, сказал мне, о какой-то моей "исключительности"... Хотя, если то *беспокойство*, которое начало одолевать меня еще с детства, называть "исключительностью", то, верно тогда,-- так это и было.

Причем, *исключительность*, скорее всего, через время вылилась бы в какой порок. Если бы я не взялся я за нее с неистовостью самого рьяного исследователя. И уже вскоре, кто-то из нас должен бы был сложить оружие, если бы я не задался мыслью: а стоит ли всего этого борьба, в итоге, лишаящая каждого из нас - *индивидуальности*? И почти тотчас же, прекратил любое сопротивление. Дав беспрепятственно бежать волнам судьбы. Но потом несколько одумался. И почти тогда же, что-то (не иначе как "провидение"? Хотя есть ли оно?!) наставило меня "на путь истинный". И я,-- попросту, перестал обращать на многое (и, в первую

очередь, на самую необходимость борьбы) внимание. А значит...

Но нет. Всего этого не случилось. И кто-то, вероятно, смог бы найти в моем состоянии, некие признаки DEMENTIA PROEX... Хотя (по доброте душевной), я и сам, мог бы это уже допустить... Но было ли так, на самом деле?.. И может, моя "странность" - была всего лишь "игра"?.. Ведь мне и на самом деле, иной раз, нравилось морочить окружающим голову. Играя какую-нибудь (недавно выдуманную) роль.

Или это была моя "особенность"? Позволявшая, вместо одной жизни,-- проживать сразу несколько?

Кто знает?..

Глава 26

Творческий кризис Ивана Ивановича Иволгина, был в самом "расцвете".

Но в этом он боялся признаться даже себе. А чтобы говорить с кем - увольте. И даже не потому, что Иван Иванович был достаточно, *скрытен* (хотя, кое-кто считал, что это именно так; и уже отсюда, не совсем "почтительную" для окружающих внутреннюю замкнутость, предпочитал интерпретировать именно с этих позиций). А, скорее всего, из-за того, что полагал (как минимум) *ошибочным*,-- тревожить, кого-то, по столь "ничтожному" поводу. Хотя, "повод" был, конечно же, не ничтожен. Но так было понятно лишь тем, кто имел (как бы сказали поэты) "родственную" -- с Иволгиным - душу. Другим же,-- и не понятно было

подобное состояние. (Мне отчего-то всегда хотелось немного пожалеть бедолаг, не наделенных "даром" чувствовать другого...).

Но Иволгин, по всей видимости, себя "несчастливым" не считал.

Но, как казалось мне, -- он попросту *свыкся*, со своим состоянием. (Которое переросло в "привычку". А "привычка", и не располагала к тому, чтобы ее замечать. Да и вообще не обязывала к какому-то "пониманию").

Но я ошибался.

Иволгин страдал. Он мучительно страдал. Страдал от того, что как-то внезапно, у него исчезли темы "будущих композиций". А за этим,-- и пропало желание работать.

А ведь дожив до 43-х лет, он почти и забыл думать, что когда-то такое может произойти. Ему всегда казалось, что неисчерпаемые будущие "темы", прямо-таки, толпятся у него в мыслях; периодически, то, выстраиваясь в ряд (словно для какого *смотр*а, желания показать себя; мол, вот они мы, бери любую из нас; тем более, что почти ничего и не надо было - добавляя - придумывать; все давно было "готово и проработано"), то, почти выпрыгивая наружу. Проявляясь, иной раз, во сне (где сама картина сна подменялась как будто разом ожившими полотнами). А то и вовсе, стоило Иволгину только о чем задуматься, как перед ним (во всей красе) вставало какое изображение. И тогда совсем не надо было куда ходить: бери краски, палитру - да рисуй, почти что, "с натуры". И иногда это было до того наглядно представлено, что даже становилось страшно. И в такие минуты, Ивану Ивановичу начинало казаться, что он сходит с ума.

Но несмотря ни на какие его *усилия*, подобное состояние, почти не проходило само. И тогда приходилось действительно, трясущимися от страсти руками, хвататься за кисть да мольберт. И быть может только после того, как делал он несколько мазков, -- он начинал успокаиваться... Полное же "успокоение", казалось, готово было прийти только тогда, когда работа подходила к концу. Но и тогда *полногорасслабления* не наступало; ибо, почти тотчас же, перед глазами вставало изображение (иной раз увеличенное в фокусном величии) новой картины; и Иволгин, бросая все, - вновь принимался за работу. (Отдыхая, получается, только в момент каких перерывов в написании картины; да и то - разве можно это было назвать собственно отдыхом?.. Так, томление, да и только...).

Но вот сейчас Иволгин был бы счастлив, если бы пришло хоть что-то подобное... Ни-че-го... Ничего. Ничего. Ничего. Почти абсолютно ничего... Так, иной раз, вроде бы и зарождалось где (где - он и не различал уже), начало чего-то (предстоящего) масштабного... Но почти тотчас же, идея уходила куда-то... Так, в общем-то, и не начав свой бег, виток спирали; на котором, вполне можно было (раньше это получалось) "перехватить" ее...

И совсем не за что было уцепиться; схватить (хоть за что-то) это самое вдохновение... (Которое, словно дразня, появлялось почти только для того, чтобы тотчас же исчезнуть).

И ничего нельзя было поделать. И не на что было роптать. И - что самое обидное - никак нельзя было предугадать наступление "подобного" ранее... И

почти всегда это являлось, самой что ни на есть, настоящей неожиданностью; так что и казалось, грешно было даже молить кого - дабы не наступало чего-то подобного... Грешно... Хотя трудно было сказать - верил ли во что Иван Иванович Иволгин. По крайней мере, я, -- его, как вроде бы, близкий приятель, товарищ, быть может, даже, друг - Лев Маркович Розенталь (а кто о нем - да и ком другом - знает больше чем я?) - никогда ничего у Ивана Ивановича Иволгина и не замечал. Но это почти ни о чем не говорит: потому как, не замечая "веры" - я не замечал и "неверия", так что...

Впрочем, было оттого Иволгину не веселее... (Тем более, что, по настоящему веселым, я его никогда и не видел).

И не потому, что Иван Иванович предпочитал скрывать свои чувства... И не потому, что не веселился никогда... А быть может почти только потому - что Иван Иванович, внешне, казался настолько серьезен, что ничего *такого*, я бы и подумать не мог... Хотя, иной раз, хотелось... У меня даже - уж в совсем редкие минуты (да и то - быть может: мгновения) - возникало, что-то на вроде, (еще почти неоформившегося) желания рассмешить его. (По крайней мере, я всячески старался - и это было чертой моего характера - показать, что почти никакая проблема не такая уж серьезная, чтобы другие узнали, что мы переживаем о ней).

Но я почти тотчас же (хватало всего лишь на мысль - о подобном своем действии), отказался от сего, (на мой взгляд), необдуманного поступка. Так что, почти ничего такого и не произошло... Но вот мысли - каюсь - возникали...

И, в принципе, все было бы ничего, если бы сам Иволгин не переживал так. Ибо в такие часы (случавшиеся, все же, не так часто), он был подобен чему-то "дрожуще-сумневающемуся" (почти по Достоевскому). И только при одном взгляде на него - становилось, как-то, жутко, да тоскливо -- на душе. Ибо, как позже я уже понял, моя (не менее, как оказалось, чем у него) нервная (со всей ужасающей нервозностью) натура, прямо-таки вынуждала все проецировать на самого себя. И через время я уже готов бы настолько "вжиться в роль", что, казалось, все это сейчас происходит не с Иволгиным, а со мной. И "в моем варианте",-- казалось "намного ужасней". Ибо, совсем ничего я не мог поделать,-- с начинавшимися (у меня) "тревожностями"... Когда переживаешь за то, что, быть может, наяву никогда и не произойдет. Но в твоей душе, уже наверняка происходит. И ты уже "на полном серьезе", переживаешь за (мнимое) "случившееся"... А то и начинаешь испытывать на себе точно такие же последствия, как будто бы, все (и на самом деле) произошло.

А когда оно - не наступая - проходит, ты даже не чувствуешь (казалось долгожданного) успокоения. Ибо "вымотан" настолько, что еще долго остаешься в твердом убеждении, что все, что случилось,-- произошло "на самом деле". А не с другим. Или - в твоём воображении.

Что ж. Бывает и такое...

Глава 27

В какой-то момент, Алексею Германовичу Штилю, вдруг захотелось вернуться в детство. Это было то состояние, когда внезапно подступала затаенная грусть и тоска, нападала хандра и апатия, и совсем, как будто, ничего уже не хотелось, как только убежать куда-нибудь, скрыться от посторонних глаз, хотя и это, по всей видимости, был даже совсем не выход, но где тогда выход?.. Ему хотелось все бросить к чертовой матери, хотелось послать всех, куда только можно, быть может, кому даже и плюнуть в рожу, дать "пинка, под зад", хлопнуть дверью, высказав все, что он обо всех думает...

Заметим, что он (с регулярной периодичностью) нечто подобное проделывал. Но, видимо, врожденная интеллигентность (репрессированный в 37-м дед был дворянином, генералом царской армии, сдуру - как ругался Штиль - "поверив" коммунистам, и, оставшись в России),-- не давала полностью реализоваться подсознательному желанию Алексея Германовича.

Кстати, Алексей Германович Штиль родился как раз в той станице, которую на месте поселения (ссылки) основал когда-то его дед. И в том, что и родители Штиля, да, быть может, и он сам - не попали "в осаду" властей,-- была заслуга именно деда, который, наравне с другими "поселенцами", выбрал "для станицы" - непроходимые леса и болота.

И советская власть, действительно предпочитала не соваться в такую глушь. Ограничившись, организацией в станице сельсовета, да колхоза. И "повесив" *отчетность*,-- на выбранную - из поселенцев же - власть. Главным представителем которой, был бывший купец - Мойша Шимонович Левинтон

(незадолго до столь "важного" события - ставший Михаилом Михайловичем Левинским).

Вот, кто действительно оказался "на своем месте". И даже "полюбил" советскую власть. Впервые,-- за время пришедших к власти большевиков, - сумевший найти себе "достойное" занятие.

Михаил Михайлович принялся столь усердно вести бумаги, что вскоре запутал даже самых рьяных чекистов, уверенных, что "белогвардейская сволочь" должна "проявиться", и приехавших с неожиданной проверкой; а потом, махнув рукой, уехав ни с чем. Чему, собственно, и были все рады. А особенно Левинский, не только оставшийся на своем месте, но и еще больше уверившийся в своей способности "вести дела".

Алексей Германович же,-- вступил в комсомол, потом - в партию. А в институтские годы, он даже почти и куда "выдвинулся". И уже можно было сказать, что он "устроился" в жизни, как если бы Союз не распался, а Алексей Германович оказался перед выбором: чем ему заниматься при новом "режиме".

Но он и здесь не пропал. И как раз к этим (постперестроечным) временам, относится его внезапный (для всех, но не для него, привыкшего заранее просчитывать ситуацию) "переход на новую работу", да и вообще - смена деятельности (ибо стал он, как мы уже упоминали, журналистом). И даже достиг на этом "поприще" каких-то успехов. Потому, как был человек не только умный, но и обладал поразительной интуицией угадывать "куда дует ветер". А потому, и был, любим всеми. Всеми теми, которых, зачастую, в душе - ненавидел. И уже, видимо, объяснялись его

"ссоры и взрывы протеста" - как раз необходимостью заглушать свои истинные чувства. А когда "терпеть" становилось невозможно - он (не позволявший себе говорить "правду") - написался вусмерть. И тогда "доставалось" чуть ли не всем. Которых, он клял, почему зря.

Хотя, заметим,-- редко когда оказывался не прав. Потому как, окружали Алексея Германовича, зачастую, отъявленные негодяи, да проходимцы. О чем он - всегда искренно говорил им (причем почти всегда "в глаза"). Да еще, случалось, и швырял в рожу все, что было под руками, сметая это со столов одним взмахом, а то и переворачивал эти самые столы (а еще чаще - стулья, заходившиеся "волчком"); потом хлопал дверью, и, с проклятиями, шумно скатывался с лестницы, выходя на улицу. И как только оказывался там - находил какой бар, или ресторан (не "первый попавшийся", а тот, который успевал поймать в фокус пьяных глаз), где и благополучно напивался, уже, как говорится, до конца. После чего (порядок почти сохранен без изменений), был доставляем (домой) милицией, сотрудники которой, расшаркиваясь перед домочадцами, просили "засвидетельствовать", что Алексея Германовича "доставили в полном порядке", а он, размахивал перед ними удостоверением, обещая "завтра-же", приехать вместе с прокурором и губернатором города, отчего те, еще раз кланялись, испуганно спрашивая супругу Штиля, Рахиль Ароновну, заверить их, что та не имеет к ним никаких претензий, и после ее недоуменных расспросов, объясняли, что, мол, были вызваны дирекцией ресторана, в котором Алексей Германович (опасливо косились на внимавших им уже обоих супругов) -- крушил столы, и, приехав, застали его прижавшим к стенке администратора ресторана,

которому, с недовольными словами в адрес еврейской национальности - запихивал в лицо салат, вместе с тарелкой, после чего, водрузив эту небольшую круглую тарелочку ему на голову (при этом милиционеры косились на висевший в прихожей портрет дедушки Рахиль Ароновны - Исаака Мойшевича, облысевшую макушку которого, прикрывала точно такая же, простите, не тарелочка, - а шапочка, но милиционеры готовы были присягнуть, что сходство было: один - к одному), а потом, когда все же у него получилось (у кого?--переспрашивала Рахиль Ароновна, совсем запутавшись в хитросплетениях милицейского рассказа; да у мужа вашего,-- отвечали милиционеры), и после этого - ваш муж вскочил на барменскую стойку, и стал отплясывать (как это там у вас называется? "Семь-сорок"?),-- и уже мотив звучал по всей квартире, и сам Алексей Германович, услышав знакомую мелодию, готов был пуститься в пляс, а милиционеры (от греха подальше) пятились к двери, и уже перед тем, как Рахиль Ароновна захлопывала за ними дверь, спрашивали, действительно ли Алексей Германович работает в пресс-службе губернатора, и является депутатом? А, Алексей Германович, поймав на лету отголосок знакомого слова, уже скривившись - глядя на милиционеров - в презрительной усмешке, но те уже не дослушав ответа Рахиль Ароновны, скатывались с лестнице, каждый про себя обещая когда-нибудь разобраться, с этой "жидовской мордой". Алексей Германович же, собираясь, было, выбежать вслед за ними, оказывался, подхватываем, мощной рукой (раза в два всящей больше него) Рахиль Ароновны (урожденной Ройтшванец); и тогда почти всегда он моментально успокаивался, словно дожидаясь - только этого.

Скажем, что на другое утро, Алексею Германовичу становилось невероятно стыдно, и он ходил по вчерашним (которые мог вспомнить) адресам, принося "извинения"... Но это уже было так... Попытка исправить ошибки... Притом, что где-то в душе Штиль понимал (как, верно, понимали и остальные), что сказанное им - правильно. И тогда уже получалось,-- извинялся он, только за то, что сказал людям в лицо то, что они держали у себя в подсознании...

Но грустно было самому Алексею Германовичу... И он мучился, не зная, куда ему деться?..

На душе было тоскливо... И уже словно незаметно, перед Алексеем Германовичем стало проплывать (в бестелесой дымке воспоминаний) его детство...

Некоторые "картинки",-- высвечивались наиболее ярко. И тогда, Алексей Германович, словно бы заново, переживал их...

И покойная мама, Мария Францевна, и, тоже уже покойный, отец, Герман Оттович, любили Алешу больше, чем остальных своих детей. Хотя, быть может, тут уже сыграла роль, что почти половина братьев Алексея - погибли до его рождения (он был самый младший). (Словно рок витал над семейством Германа Штиля. И уже незадолго до смерти родителей, погиб их последний - не считая Алеши - ребенок).

И уже потому, всегда чувствовал себя Алеша, в неком превелегированном положении. И, быть может потому,-- старался уцепиться за эту самую жизнь,

добившись в ней всего, что должно было достаться его 15-ти погибшим братьям.

Хотя, после внезапной кончины родителей, Алексей Германович здорово, было, сломался. И уже давал только одну "установку" - "выжить".

Но вот как раз сейчас - жить ему вовсе, даже, не хотелось...

Впрочем, так характеризующий его оптимизм,-- был, скорее, *вынужденной* мерой. И вполне напоминал "маску", для безопасности (желания быть "не узнанным") - надетую на себя. Потому как, на самом деле, какое-либо "веселое" настроение - было совсем не свойственно (слишком "чувственной" и "уставшей от жизни") натуре Алексея Германовича. Да и, за любой подобной "усталостью", часто скрываются как раз те "комплексы" (и собственная беззащитность), о которой человек и не хочет, чтобы знали другие...

Но, несмотря на то, что он был таким в собственном (внутреннем) мире,-- внешне, Алексей Германович решил остаться *оптимистом*. И ему просто необходимо было "жить". Хотя бы, за тех, кто уже не мог...

И судьба (видно здорово запутавшись относительно своего последующего поведения),-- просто, улыбнулась" ему.

И решивший "стать оптимистом", Алексей Германович уже не сдавался. Вынужденно (но его эта "вынужденность" была не так заметна), улыбаясь.

И только интеллект сыграл с ним предательскую шутку. Потому как, стоило Штилю только осознать, какую, быть может, "преступную ошибку" он совершает,-- и тотчас же, он внезапно замыкался в себе. Но не всегда он мог себе это позволить. И часто, дабы никто не заметил его состояния, Алексею Германовичу приходилось почти что "скрываться" от людей. Ведь в ином случае,-- пришлось бы - идти на поводу у недавних знакомых. А подобного, Алексей Германович, никогда бы не допустил.

И уже каждая его боль, откладывалась в подсознании. Накапливаясь там; и, вероятно, служившая, иной раз, причиной (внезапно вспыхивающих) скандалов с участием Алексея Германовича, когда ему казалось, что - "что-то на меня нашло". А то и действительно "находило".

И никак не мог смириться Штиль. Но и открыто протестовать - тоже не мог; понимая, что со временем (годы идут), он уже не может воспользоваться тем, что планировал когда-то... И тогда Штиль успокаивался. Правда,-- надолго ли?..

Глава 28

Трудно сказать, когда Лев Маркович Розенталь почувствовал первые признаки начинавшегося "раздвоения личности" (да и было ли оно?)? Но с каждым прожитым днем, месяцем, годом, ему все тяжелее приходилось удерживать будущее сознание внутри себя; и тогда уже хотелось смириться (не сразу, а после какого-то времени, больше походившего на самоистязание), дав волю (вырывавшемуся наружу) бессознательному. Но и тогда еще, проходил какой-то

"срок", прежде чем его сознание, внезапно, и, как бы, само собой,-- *успокаивалось*. И все возвращалось "на круги своя"...

Хотя и не совсем. А выходило так, что почти тотчас же, после подобного "успокоения"--, наступало чувство самого отчаянного безразличия к себе. И в такие минуты, Лев Маркович начинал бояться сам себя. И тогда уже, нельзя было "позавидовать" Льву Марковичу. Потому как, для него наступало время самого настоящего "несчастья". И он терял способность, не то что, к какому-то, "адекватному восприятию действительности", но у него и вовсе исчезали любые (характеризующие его когда-то) *способности*. А сам, Лев Маркович, чувствовал себя "полным ничтожеством". (Хотя и заметим, что это было ничего более, как только его собственные ощущения. Заметно, быть может, разнящиеся - от мнения окружающих).

Сами же окружающие... Но что ему *окружающие*? Какое ему дело было до них, когда, казалось, некогда вполне уживавшееся вместе,-- воля, характер, ощущение, мышление, память и т. п.,-- начинали водить свой ужасный хоровод; безразличный, к "растерявшемуся" сознанию Льва Марковича...

А то и вовсе, готовы были пуститься в вскачь, подгоняемые (почувствовавшим силу) подсознанием...

Не любил такие минуты Лев Маркович. Он даже ненавидел их. И эта ненависть, все больше крепла в нем по мере того, как он понимал, что совсем ничего - и не в силах изменить... И уже тогда, быть может, как раз в ощущении такого бессилия,-- скрывалась какая разгадка - сего неприятного факта.

Но к чему было переживать?.. Быть может, ему следовало и вовсе смириться?.. Хотя, считать так, означало совсем даже не понимать специфики свалившегося на Льва Марковича несчастья. Ибо для него это было -- настоящее горе. И потому, он совсем не мог смириться. А страдал, боролся, отчаянно сопротивлялся - наступления окончательной победы - безумства.

В какие минуты ему казалось, что мир вокруг (и окружающие его предметы, прежде всего) начинал расползаться в разные стороны. Так, как будто деревья, дома, телеграфные столбы, да различные, там, "ветряные мельницы" - начинали двигаться в одну, а сама поверхность земли, с "мечущимися" людьми - в другую.

И почти уже совсем невозможно было ухватить (как раньше) глазом, какую-то "единую" картинку; потому как в сознании,-- начинался самый настоящий "беспредел"; и невозможно было от него никуда скрыться; да и "смириться"-то,-- тоже нельзя... Хотя сам, Лев Маркович, еще на что-то надеялся... Но что это были за надежды, когда разом терялся смысл происходящего; и не было от надвигающейся опасности, никакого спасения.

... Ну, или, почти никакого... Но уже даже теоретически (о "практике" мечтать не приходилось"), само то, что называется "спасением" (что вкладывал Лев Маркович в это понятие?),-- было... *неосуществимым*... Хотя бы потому, что не ясна была причина, от которой его необходимо было спасти. И уже здесь, поисками нахождения этой причины, скорей всего и объясняется "увлечение" Льва Марковича,-- философией,

психологией, психиатрией, психоанализом... И можно было признать, что в психоанализе, ответов он нашел значительно больше, чем, быть может, и предполагал в начале... И Лев Маркович вынужден был констатировать,-- что "запутал сам себя"...

Глава 29

Один как-то раз, разгорелся у нас серьезный спор с Игорем Борисовичем Паниным. И, собственно говоря, если бы вовремя не вмешался один мой старинный приятель, (недавно вернувшийся из Израиля; Семен Самуилович Розенблюм), то, быть может, и не знал бы я, чем мог закончиться этот самый спор. Но "мирно" (вполне может быть), и не разошлись бы мы вовсе.

Спор был о литературе. Причем, начался он случайно. Панин, сказал что-то о Кафке. Я, отметив про себя, что, "в вопросе", он ничего не понимает - какую-то дальнейшую беседу (на эту тему) продолжать не хотел. А постарался перейти "на более легкую" (для него) тему. Но Панин (была в нем такая дурацкая черта), решил "не отступать". И все больше и больше приводил мне доказательств - своего невежества. А еще я понял, что Кафку он почти и не читал. А даже если и "просматривал", то наверняка, ничего не понял. (Это при том, что у меня "по Кафке" была защищена диссертация).

И до поры до времени, я "держался" как мог. Незаметно "выравнивая" ситуацию. Пока не понял, что впереди - тупик. А между нами - уже пропасть.

Но и тогда еще, я хотел, как-то, "спасти" имя Панина (хотя то, что эта личность, представляла из себя полнейшее ничтожество - я убеждался одновременно с "откровениями" Игоря Борисовича). Но Панин, совсем "не оценил" мои "добрые" намерения. И уже стал обвинять меня,-- что я "избегаю спора".

А я действительно его избегал. Но когда (влюбленный в свою самодовольную глупость) Панин стал (с позиции своей бездарности) судить о Набокове,-- я уже сдерживался с трудом. Я вообще всегда начинаю испытывать какое-то чувство вины, по отношению к людям, которые знают о чем-то - меньше меня. И уж точно, что никак не высказываю своего "превосходства" (памятуя о том, что все "относительно"). Но Игорь Борисович Панин действительно "разошелся". И я совсем не заметил, как оказалось, что он уже начал учить меня. Разъясняя, "тонкости,-- как он заметил,-- прочтения литературного текста". Но это уже я расценил как откровенное хамство (скорее всего, Панин затронул мою боязнь показаться глупым), и я - не делая никаких "скидок" на различность наших образований (электромонтажное ПТУ - у Панина, и докторская кандидатская - у меня),-- разъяснил этому мудаку, что я думаю и о нем, и о его мыслях, и о "разработанных им особенностях прочтения литературного текст", закончив, вероятно, хвалебными одами в адрес наших ПТУ, внушающих "кретинам" - что те - "гении"...

Панин молчал. Его мозг, видимо, не привык настолько быстро анализировать услышанную информацию. И, закончив, я еще какое-то время удивленно смотрел на него, думая, должно быть,-- понял ли он вообще - то, что сказал я?!

Он понял. Он понял, должно быть, даже то, что я, "по каким-то причинам", "сказать не успел". И как только он понял и это,-- Панин стал кричать.

Кричал долго и громко; от каждого нового выкрика - "расходившись" еще больше. А я?.. Я отчего-то "рассердился" на него. И потому, чуть приблизившись к нему, хлестко ударил ему слева по челюсти. Боковой удар пришелся аккурат в подбородок. И я ушел, замечая боковым зрением, что Панин, рухнувший "как подкошенный", уже приподнял голову, выпученными глазами пытаюсь, видимо, сообразить - что с ним произошло.

"Здоровье" у него действительно было отменное. От такого удара - можно и не встать.

Однако окончательно уйти я не успел (да и куда было уходить из своей же квартиры?). Зазвонил телефон, и, сняв трубку, я услышал голос своего старинного приятеля - Розенблюма. Семен Самуилович спрашивал разрешения (позвони кто в дверь - я бы никогда не открыл. И все мои знакомые, знали, эту мою "особенность") "приехать". Пытаясь поймать в зеркале Панина (который уже сидел, но еще качал головой, приходя в себя),-- я сказал Розенблюму, - что жду его. А уже через десять минут (Семен Самуилович, как оказалось, звонил из ближайшего к моему дому телефона-автомата) раздался звонок в дверь.

Панину еще окончательно не удалось прийти в себя. А потому мне пришлось, вкратце, поведать Розенблюму - о состоявшемся между нами споре. Опустив,-- физическое разрешение его.

К моему (да и к Панину тоже) удивлению, Семен Самуилович довольно быстро разрешил наш спор. Причем так, что каждый из нас, не только остался при своем мнении, но и у каждого -- сложилось впечатление, что другой - принял его сторону.

Розенблум же, как всегда оставался сторонним наблюдателем. Но это, так сказать, была его некая индивидуальная особенность...

Семену Самуиловичу Розенблуму было сорок лет. Был он среднего роста, кряжистый, чуть лысоватый, носил очки с толстенькими линзами, заключенными в какую-то немислимую оправу. Почти круглогодично Розенблум ходил в костюме - "тройке"; быть может только, в зависимости от сезона, -- набрасывая сверху - то плащ, то пальто.

Речь его всегда отличалась литературной изысканностью; голос был, что называется, "поставлен" (за плечами - филфак МГУ и высшие режиссерские курсы). Род занятий... Впрочем, тут, быть может, следовало остановиться чуть подробнее.

В свое время, закончив свой первый вуз, Семен Самуилович решил, было, остаться в аспирантуре; но почти неожиданно для него, высланную в ряд издательств рукопись написанного им романа, приняли сразу несколько из них; а потом еще позвонили с Мосфильма, предложив написать сценарий (по книге) для - как заверили -- уже запланированного фильма.

В итоге, меньше чем за две недели, роман (который чуть позже, был не только благополучно издан, но и переведен на несколько языков) был переделан в сценарий; и по нему - снят фильм. Причем, столь неожиданно открывшийся для Розенблума,

кинематограф его настолько захватил, что Семен Самуилович принял решение идти на режиссерские курсы, а по окончании оных - еще и снял несколько фильмов. Уже сам.

И вот, как раз, в то время, когда, начинавшаяся "слава", вот-вот уже готова была сделать из него знаменитость, Розенблюм принимает совсем неожиданное решение, и начинает хлопотать (времена еще были "советские") об эмиграции, как он выразился, на "историческую родину".

Просьбу (на удивление быстро) удовлетворяют, и Семен Самуилович оказывается в Израиле. Там Розенблюм,- до сих пор не знаю, как это ему удалось, - открывает собственную кинокомпанию; а еще через время - и свое издательство.

Дела, как вроде как, шли успешно (а то и более чем), но только случилось одно "но", которое, как оказалось, вскоре перечеркнуло его "бизнесменскую" (как с давнишней грустью в глазах шутил он) "карьеру". Ибо Розенблюм, внезапно, потерял способность "писать".

Долгими часами, просиживал он над одной единственной строчкой; которую вскоре и зачеркивал. А "новая",-- уже не шла...

Сопоставив успех "одного", с исчезновением "другого",- Семен Самуилович продает бизнес, подсчитывает, что полученных денег ему хватит на пару десятков лет спокойной литературной работ, покупает уже было домик на берегу Атлантического океана (заодно, подумывая, и сменить гражданство), как только

неожиданно понимает, что, "по настоящему",-- может писать только в России.

-- И у тебя вновь стало получаться? - не удержался, внимательно слушавший рассказ, Панин от вопроса.

-- "Сочинять", он имеет в виду "сочинять",-- пояснил я, видя как недоуменно вскинул брови Розенблюм.

-- А, сочинять?! - задумался он. - Да нет. Пока не получается,-- признался Семен Самуилович. И в глазах его появилась такая боль, что мы, перемигнувшись (былой конфликт забылся как-то сам собой), промолчали.

-- Но я уже придумал выход,-- медленно (словно оценивая: способны ли мы понять всю важность идеи) обвел нас глазами Розенблюм.

-- И что же это? - не удержался от любопытства Панин.

-- Кролиководство,-- сразил нас наповал Розенблюм.

-- Кролиководство?! - почти в один голос выдохнули мы. - Ты хочешь заниматься разведением кроликов? - переспросил я, совсем запутавшись, как стоит оценивать услышанное.

-- А почему бы и нет? - вопросом на вопрос ответил Розенблюм. - Я, можно сказать, уже подсчитал. Прибыль получается колоссальная. Да к тому же - еще и эстетическое удовольствие.

-- Да о чем ты говоришь? - не выдержал я.

-- А почему бы и нет,-- по своему оценил ситуацию Панин.-- Готовь бизнес-план, обмозгуем, и я, вполне может быть, помогу. Да почему нет?! - увереннее произнес он.--Конечно же, помогу. Ведь

знаем друг друга не один год. (Их познакомил я, кажется, еще лет десять назад).

-- Да, бизнес план-то, в общем готов...-- несколько нерешительно произнес Розенблюм... И в средствах, вроде как, проблем нет... Но вот только идя сюда, к тебе (посмотрел Розенблюм на меня), я внезапно осознал, что ведь это -- совсем даже, не "выход" из проблемы; а, скорее, бегство от нее. Ведь бизнесом я мог заниматься и там (почти полностью подтвердил напрашивающийся у меня вопрос Розенблюм).

-- Так чего же ты хочешь? - недоуменно посмотрел на него Панин, явно окончательно запутавшись. Мне даже стало, как-то, жаль его...

Но ситуацию разрешил сам Розенблюм.

-- Все дело в том,-- начал он,-- что я, на самом деле, понял, что мне нужно только писать. А еще, быть может, необходима наша родная, российская действительность.

-- И потому?.. - начал я--

-- И потому,-- продолжил Розенблюм,-- я решил, просто переехать в какую-нибудь полузаброшенную деревеньку. России,-- пояснил он, хотя мы и без того поняли, переглянувшись.

-- Но все же...-- начал было Панин, которому вероятно все таки понравилась идея Розенблюма с кроликами.

Но больше никто из нас ничего не говорил.

А через время, мы уже переключились на другую тему, вспоминая дни, когда были молодыми. Ну, или, относительно "молодыми" (учитывая наш возраст, и за минусом тех лет, когда мы еще не знали друг друга).

И еще долго, после того как Панин с Розенблюмом ушли, я сидел в одиноком молчании, не переставая, должно быть, удивляться: "необратимости бытия"...

Глава 30

Мне, пожалуй, невероятно сложно было определить прерогативу "пристрастий" Юрина. Как только я (мысленно, конечно), не "крутил" его со всех сторон? Как только - не высматривал, выискивая, за что же, собственно, можно было уцепиться?.. Все напрасно... Казалось, ни к какому конкретному "роду деятельности", Гай Романович был не приспособлен. Да и никакого специального образования, тоже не получил.

Но сложнее было еще оттого, что ничем конкретным - Юрин и не хотел заниматься...

Почти невозможно было определить, что же на самом деле интересовало. Одна и та же книга ("История Древней Греции"), всегда была у него раскрыта на одной странице. И через месяц, и через два, и через несколько лет.

Но, видимо, с "нежеланием" Юрина, я несколько погорячился. Потому как, в один из дней,-- он сам попросил меня о помощи.

-- Понимаешь, в чем вся штука-то,-- как-то (особому) сощурившись, и чуть наклонив голову (получалось так, словно он смотрел несколько искоса), - загадочно произнес Юрин. - Чувствую в себе какие-то силы... Но не могу понять, что они из себя представляют?.. Только знаю, что это,-- (не смейся, не

смейся,-- попросил он меня, хотя и не собирался смеяться),-- какой-то знак свыше.

-- ??? - недоуменно посмотрел я на него.

-- Вы мне не верите? - недоверчиво посмотрел на меня Юрин, и я вспомнил о его привычке (когда он взволнован) переходить в разговоре даже с близкими друзьями,-- на "Вы".

При этом, мне показалось, Юрин даже несколько изменился в лице. Да так, что сразу стало его жалко; и, не медля ни секунды, - я постарался заверить Гай Романовича, что помогу ему.

Юрин тут же изменился в лице. Повеселел.

В течение следующего получаса, мы пытались, было, выработать план совместных действий. Пока я не убедился, что об этом мне лучше подумать самому.

И я думал. Я размышлял над этим чуть ли не круглые сутки. А так ожидаемый ответ,-- совсем не приходил. А то и наоборот - удалялся от меня.

И с этим вот "удалением", я чувствовал, что где-то внутри меня, разливается предательское чувство вины (утраты, тревоги...). Причем, подобные (начинавшиеся) тревожные состояния, вытягивали за собой и беспокойство. То беспокойство, которое всегда заставляло меня врасплох.

И уже знал я, что как раз за этим - последует самая настоящая "расплата". Расплата, следствием которой было то, что я, иной раз, совсем не мог выйти куда-нибудь из квартиры; да и там, забываясь, чуть ли, не в самый темный угол, - съеживался, дрожа от страха. Через время, правда, понимал, что ничего страшного, как будто, и не происходит. И тогда слегка

распрямялся. Но потом сгибался еще больше. И в таком (полусогнутом) положении - передвигался по квартире. И выходить за ее пределы - совсем даже не собирался.

Что так пугало меня? Люди? Да, скорее, само ощущение улицы (открытого пространства), на которой я как нигде - осознавал свое ничтожество. Точнее,-- свою ничтожность и зависимость (от других, от окружающего мира). И уже в этом своем "ощущении", я закрывался словно в ракушке, и, бывало, находился часами (а то и днями). Не отвечая на телефонные звонки; не открывая входную дверь; отключал телевизор и радио. И уже мне казалось, что я только один в этом мире (словно "солидарные" со мной часы - отчего-то всегда в этот момент останавливались, показывая одно и тоже время). А свет дня или ночи,-- не проникал сквозь плотно зашторенные окна, да опущенные (в целях безопасности) жалюзи.

И ведь почти нельзя было сказать, что я так то уж кого-то боялся? Нет. Да и кого?! Никаких (злейших) врагов у меня не было. Дружбой,-- я тоже никогда не отличался (любая дружба предполагает "общение", а я всегда был слишком сосредоточен на самом себе).

Юрин... Мне ведь необходимо было действительно помочь ему... Но как?.. как сделать это,-- когда впору было помогать мне?!

И я уже понял, что своим "согласием",-- только отдалил тот ужас, который, наверняка, вскоре должен испытать (если уже не испытывал) Гай Романович... Но и в моих мыслях ничего не было,-- кроме... бессилия... Бессилия от невозможности найти выход...

Если честно, у меня все же "напрашивалось" несколько вариантов "спасения" Гай Романовича... Но я отчего-то, никак не решался ему их преподнести... Быть может, чувствуя, что они и не совсем удачные?.. Или оттого, что я как-то надеялся, в ближайшее время, отыскать что-то еще?.. И я, вероятно, еще долго бы держал их "при себе", если бы... если бы не заметил, что Юрин начинает разговаривать "сам с собой" (что при его патологичности характера, могло привести к совсем страшным последствиям). И тогда я (не решаясь медлить) выдал, что называется, "на гора",-- все имеющиеся у меня "варианты". Отчего у меня, тотчас же, заметно полегчало "на душе". А что до Юрина?.. Думаю, ему тоже стало "легче". По крайней мере, появились некоторые точки, от которых - при случае - уже можно было отталкиваться.

Что до того, что же это были за "варианты"?.. Пусть они останутся некой загадкой. (Тем более,-- к сожалению,-- ни один из них - Юрину не подошел. Но хотя бы на какой-то миг - они свою задачу выполнили. И это,-- тоже было очень важно).

Глава 31

Иван Иванович Иволгин, сидел подле открытых настежь окон веранды своей дачи, отдыхая, а значит,-- будучи погруженным, вглубь себя.

Нет, не сказать, что бы он так уж любил то, что именуется *самоанализом*. Он можно даже сказать -

боялся этого; опасаясь, когда-нибудь,-- может попросту "не вернуться".

А потому сейчас -- он только *размышлял*. И размышлял как раз над тем, что пора бы уже, думал он, начать работать "над собственными воспоминаниями", которые, вероятно, будут облечены - в форму неких,-- мемуаров.

-- А почему бы, собственно говоря, и нет?! - в который уж раз, пытался убедить он сам себя.-- 43 (прожитых) года,-- наверняка *обязывали* к тому.

Конечно, подобные мысли, наверняка могли быть навеянными, внезапно начавшимся у Иволгина,-- "творческим кризисом". В течении последнего полугодия, он так и не смог начать ни одной картины. А может, роль сыграло то, что Иволгин подумывал о начале литературно-художественного творчества. И уже тогда, мемуары являлись бы, чем-то на вроде преодоления "первой ступеньки". На пути к вершине. (Если начинать,-- то по максимуму,-- считал он).

Впрочем, пока нужно было ограничиться (хотя бы) *началом*. (О любом "будущем", невероятно мнительный Иволгин, старался не загадывать).

И все же, где-то в глубине души, он мечтал о славе. О той славе, которая почти соседствует с известностью. В чем-то, иной раз, опережая ее. И которая, опять же, вполне может быть собственной, неподвластной никаким влияниям, величиной; и, опять же,-- может и "затмить славу" его - как "художника".

Хотя, если разобраться (и Иван Иванович это понимал как никто другой), какого-то "признания" его

как художника - по сути никогда и не было. Была кое-какая известность. И не более. (Да и то, если быть до конца откровенным, "в узких кругах").

Но, будучи в душе достаточно тщеславным человеком (о чем он, иной раз, боялся даже признаться себе), Иван Иванович... мечтал о "Славе". Это было бы по настоящему признанием его заслуг. И он считал себя достойным этого. Да и, если разобраться, больше возможностей "начать сначала" у него и не будет. Слишком расшатаны нервы. Измождена психика. Да и был он слишком душевно ранимым, переживая и расстраиваясь "по любому поводу".

И уже любая (мало-мальски значимая) неприятность - способна была надолго выбить его из жизненной колеи. Притом что,-- возвращался обратно он,-- тяжело и неохотно. Как-то очень быстро "срастаясь" с *проблемой*. Так что, в какой-то момент, было и вовсе невозможно понять, что же на самом деле было необходимо Иволгину? И казалось,-- он даже *наслаждается*, свалившимися на него трудностями. Как-то неохотно,-- пытаюсь и бороться, и противостоять им. А то и вовсе прекращая какую-то бы ни было - борьбу. А когда уже можно было ожидать (почти неминуемого) развития сюжета по уже предугаданному сценарию,-- Иван Иванович неожиданно менялся в лице,-- предпринимая любые попытки -- вернуться обратно. Хотя,-- когда это ему удавалось, - вновь чувствовал какое-то разочарование...

Отчего это происходило? Или этого не было? И лишь только казалось нам?

А уже это - смотря с каких точек зрения смотреть. Если, например, с той, к которой был "ближе"

Иволгин - так, быть может, ничего *такого*,-- и действительно не было. Но уже если с другой...

Впрочем, Иван Иванович Иволгин, пожалуй, слишком хорошо себя знал (как, вероятно, и любой из нас), чтобы выдвигать какие (заранее обреченные) теории, относительно *перспективы* будущего "благополучия"...

И ведь нельзя было сказать, что по характеру своему, Иван Иванович был таким уж "скрытным", да "таинственным". Он быть может и наоборот,-- мечтал о какой-то "открытости"... Стремился к ней... Но, по большому счету, оставался все таким же "закрытым" для других людей, предпочитая не пускать никого в свой собственный мир. И при этом, он не был угрюмым (в отличие, быть может, от того же Безроднова, или, быть может, Бернштейна); а даже наоборот - старался улыбаться, и приветливо встречать, что называется, "всех и каждого". Вот только понимал этот самый "каждый", что дальше первоначального "приветствия", как будто бы дело и не пойдет. Да и само это "приветствие", больше было продиктовано (природной) вежливостью и интеллигентностью Иволгина. И, пожалуй, не более...

Точно также, почти совсем не уместно было говорить о каком-то "тщеславии" Ивана Ивановича... Это было к нему не приемлемо. Хотя, если учитывать род его деятельности, то и могло показаться, как минимум, странным. Но мы должны, наверное, скорее говорить о некой... "запрограммированности на успех"; явно просматриваемой у Иволгина. По крайней мере,-- это бросалось в глаза.

К тому же, у Ивана Ивановича было много добрых, хороших черт, которые (по идее),-- располагали к нему остальных людей. Что до меня, - так у меня вообще Иволгин сопоставлялся в ассоциативном ряду - с чем-то божественным и ангельским. И... он почему-то походил на какого-то христианского "мученика". Уж на одного их апостолов, точно.

(Впрочем, я знал, что к какой бы то ни было религии, он относился весьма прохладно... Но я мог и ошибаться...).

Но если не был Иволгин, ни Богом, ни пророком,-- то кем же он тогда был? Причем, и мне, и другим, почти всегда хотелось общаться с ним. И не было вызвано подобное желание,-- стремлением что-то получить от Иволгина. Что-то конкретное, и материальное. А скорее дело касалось какого-то "ментального" порядка. Духовности. Приобретением того, что лежит в сфере именно душевных интересов. И что таким поразительным образом, находили мы у него. Словно приобщаясь (после разговора с ним) к какой-то тайне...

И уже зарождалось наше желание достаточно неосознанно... И, возникая в подсознании, вынуждало иной раз совершать и вовсе необъяснимые поступки; как, например, набирать телефонный номер. И только услышав дыхание Иволгина, опускать рычажок аппарата. А потом, все же "решиться" поговорить с ним. Но он, видимо, уже ожидая какого подвоха, долго трубку не снимал. А потом, все же сняв,-- молчал в нее... Но молчал и я... И только в последнее мгновение (перед тем, как недоуменный Иволгин готовился, с проклятиями, эту ту трубку бросить), я успевал

прокричать какое-либо "приветствие"; вероятно, этим, окончательно Иволгина запутывая...

Но бывало, я начинал разговаривать с ним без "подготовки". Но не мог удержаться, чтобы не "посетовать"... на "качество связи". (Которая действительно, была с ним всегда ужасна). И тогда уже, Иволгину приходилось "утешать" меня...

Ивана Ивановича было приятно слушать. Его речь, была всегда академически выверенной. Отличаясь каким-то бархатистым звучанием. И иногда просто хотелось закрыть глаза, и слушать, слушать, слушать...

Хороший был человек Иван Иванович Иволгин. Был... Ибо чуть ли не только что, сообщили мне, что Иволгина сбила машина. Насмерть.

Глава 32

Со смертью Иволгина, наступил заметный спад (я волен находить здесь взаимосвязь) в моих отношениях с Бернштейном и с Безродновым. Да они и сами стали проявлять какую-то необъяснимую тревожность. Лишь только Штиль сохранял, быть может, и "вымученное" спокойствие. А как я знал,-- именно Штиль, больше других, был дружен с покойным...

Но уже верно и то, что смерть Иволгина,-- внезапно обнажила нервы каждого из нас. Оставив нас, без защиты от внешнего мира...

Как ни странно, более всего смерть Иволгина, сказала на Бернштейне. "Странно", потому как было мне известно, они не были, в таких уж "близких" отношениях... А то, даже, и недолюбливали друг друга...И вот тем не менее...

Яков Соломонович Бернштейн, как-то быстро замкнулся в себе. Стал чураться общения (почти избегая его). И за всем эти, безошибочно угадывалось его сопричастность произошедшей трагедии.

Можно даже сказать, что сам Яков Соломонович, видел себя "крайне повинным" в том, что произошло. На Бернштейна (с каждым днем становившегося все более понурым и мрачным), периодами находила волна необъяснимых "откровений"... И уже как раз тогда я узнал, что незадолго до смерти Иволгина, Бернштейн встречался с ним. Они обсуждали какой-то совместный проект. И даже пришли к какой-то договоренности...

Для меня это было загадкой. Я, к сожалению, слишком хорошо знал "способности" Якова Соломоновича. Способности,-- невероятно запутывать ситуацию. И даже на сто процентов "выигрышное" дело - невероятным образом разваливать. И уже потому, мне было немного удивительно, в чем же могли "общие точки соприкосновения" эти два разных человека. (Притом, что Иволгин - просто панически боялся каких-то "начинаний". И всегда заранее "открещивался" от любого "дела").

Я, конечно, был уверен, что ничего бы с этого "сотрудничества" выйти не могло. Оно уже было "бесперспективно" - изначально. Но не стал разубеждать в том Бернштейна.

Нет, конечно, я знал, что по началу Яков Соломонович сделает все, чтобы убедить кого-то в "сверх ценности" своей идеи. Будет ссылаться на "проработанность" проекта, свои (несуществующие) связи, "поддержку" со стороны, и проч. А потом,-- когда человек "загорится",-- Бернштейн начнет его избегать... Пока у того не появится предчувствие, что его попросту "выставили дураком"...

Думаю, на ту же "удочку" попался и покойный Иволгин. Хотя, признаться, для меня до сих пор было бы интересным узнать, что же ему такого "наобещал" Бернштейн? Хотя, почему-то я предполагал, что их "совместный проект" был связан с изданием (еще ненаписанных) Бернштейновских мемуаров. И уже здесь я безошибочно угадывал характер Якова Соломоновича. Он мог с одинаковым рвением, заниматься и чем-то важным, и чем-то совершенно нелепым, пустым, и никому не нужным.

Для меня загадка, видел ли кто, кроме меня, комичность фигуры Якова Соломоновича Бернштейна? Потому как - насколько я знал - было не так много людей, желающих иметь с ним дела. Разве что "по незнанию",-- как, должно быть, Иволгин. Или,-- "по доброте душевной",-- как я. Потому как те, кто когда-то участвовал с Бернштейном в "совместных" начинаниях, и, убедившись, что в самый ответственный момент Яков Соломонович попросту начинает "запутывать следы",-- явно обижались; и больше с Бернштейном не общались.

Хотя, если кто-то оказывался "настойчив", и чуть ли не под дулом пистолета заставлял Бернштейна "работать" - "совместный" проект доходил до завершения. А если еще (несмотря на "сопротивление"

Бернштейна) появлялись "результаты" - Яков Соломонович ходил с самым значительным видом. Так, чтобы ни у кого не возникало сомнений: в том, что все "получилось" - заслуга исключительно Якова Соломоновича Бернштейна. И не иначе как...

Что до Безроднова, то Сергей Аполлинариевич тоже переживал "трагедию" Иволгина. Но делал это, как-то по-своему. Например, он внезапно отказался от машины; и стал ходить исключительно пешком. Притом, переходя дорогу, озирался по сторонам, дожидаясь, пока все машины проедут, или остановятся. Но и еще потом, стоял какое-то время, словно опасаясь, что какой-нибудь лихой водитель, захочет "проскочить". И только лишь после - Безроднов переходил. Вернее - "перебежал" через дорогу. Всегда опасаясь,-- что "не успеет".

Но, перебежав (и только ступая на тротуар), он резко останавливался, и, оборачиваясь назад, наблюдал: какая из машин - "первая" начнут движение; выявляя для себя,-- насколько в этот раз была опасность того, что он "мог не успеть".

К тому же, у Сергея Аполлинариевича обнаружили еще кое-какие "странности". Например, он подговаривал дворовых мальчишек (давая им какую-то "мелочь"), чтобы они сыпали пшено (выдавая каждому из них по пакетику) на стоявшие по обочине автомобили. И как только мальчишки делали то, что он просил, Сергей Аполлинариевич неспешно прохаживался мимо автомобилей, отмечая про себя количество слетевшихся на пшено воробьев, и насколько "результативно" они приводили кузов машины - в негодность. Если все складывалось "удачно"

- Сергей Аполлинариевич радовался. И мог, например, устроить себе по этому поводу - "праздничный ужин".

А еще, Сергей Аполлинариевич, бывало, проявлял невероятную раздражительность по отношению к автомобилистам. И мне довелось как-то быть свидетелем того, как Безроднов ни с того ни с сего,-- "сорвался" на водителе какого затормозившего перед ним (в нескольких метрах) автомобиля. Облаивая того, самыми "последними" словами. При этом, успевая еще и звать "на помощь" автоинспектора,-- на предмет "составления акта о правонарушении"...

Почему ни один из таких водителей не вышел, и не дал ему просто "в морду",-- я не знал.

А вот Штиль... Алексей Германович Штиль, как оказалось, тоже переживал. А то и,-- больше остальных. Единственно - он старался не показывать того. Хотя от меня не ускользнули изменения в его сознании... Ибо стал он... Нет, как вроде бы внешне - Алексей Германович старался действительно не выдавать своего состояния... Но он не мог скрыть, что, на самом деле,-- невероятно сильно переживает о случившемся с Иволгиным. Штиль похудел и осунулся. А между словами, стал делать (совсем ему не свойственные) паузы. Словно забывая, смысловое значение некоторых из них.

А потом, случилось уж и вовсе необъяснимое. Ибо в один из дней, нашли Алексея Германовича Штиля - повесившимся. В собственной квартире, где он жил после отъезда супруги, Рахиль Ароновны, на отдых, то ли в Крым, то ли в Сочи (оказалось в Одессу, где у нее жили родственники).

Глава 33

Пустота... "Пустота", которая как ничто другое характеризует мое теперешнее состояние, -- в какой-то мере была мне не нова. Я о том, что нечто схожее, я уже испытывал раньше. Но отчего-то надеялся, что смог от него избавиться.

Состояние внутренней "опустошенности", в своей максимальной степени, я испытывал очень давно; когда было мне лет семнадцать (и я -- только-только после окончания школы -- готовился к "выбору" жизненного пути).

Правда, пытался избавиться я от этой внутренней опустошенности - весьма своеобразным способом.

Каждый день, просыпаясь, и словно "по расписанию" делая "запланированные действия" ("общение с матерью": ...да, да, проснулся, сейчас иду завтракать... Ну, конечно же - иду... Дела? Да, да, у меня на сегодня запланированы дела... "С братом": ну что, собрался? Давай дуй в школу! Что? Как я разговариваю с братом?! Ну хорошо, хорошо, я просто шучу!..), я ждал возможности остаться наедине с собой; и там, один на один, и начиналось у меня все то "страшное", от чего хотелось застрелиться... Или повеситься... Или, -- что, казалось, намного легче по осуществлению - броситься с крыши... "Пустота"... Стоило мне остаться одному - как передо мной разом пропадали все "цели", так заботливо выводимые днем... Или ночью... (Когда кто-то - находился неподалеку). "На людях", моя голова работала несколько иначе... Но стоило всем уйти, - как я почти тут же, чувствовал свою собственную... ничтожность... И мне уже не хотелось *планировать* никакое "будущее"... А желание жить "настоящим", -- как-то разом пропадало...

Я даже не знал, чего же мне на самом деле хотелось?! Ничего... Скорее всего ничего... Помню, сколько ни пытался, я не мог зацепиться мыслью за что-то, что могло бы меня хоть куда-нибудь *вытянуть*... Мне было невероятно тяжело... И больно... Наверное, от осознания всей этой тяжести... У меня не было друзей... Не было любимой девушки... Не было никого, кому бы я мог (по-настоящему) доверить свое состояние... Да, быть может, если бы кто и был - насколько я мог бы себе позволить *откровенность*... И уже я был уверен, что если бы кто был рядом - я бы никогда его (а тем более ее) не рассматривал на роль "исповедника"... В этом я был уверен. И... не мог успокоиться... Я чувствовал абсолютную безысходность... И сейчас мне очень хочется надеяться, что, зная я тогда "причину" грусти и беспокойства,-- смог бы - избавиться от нее... Но ведь я не знал...

И уже причина мне виделась тогда в какой-то моей неопределенности... В том, что я наверняка не мог сформулировать... Подсознательно надеясь,-- на помощь "свыше"... И мне наверняка, очень необходима была такая помощь. Потому как, я почти собственноручно расписывался в своей неспособности самолично выбраться, из начинавшего одолевать меня опустошенности... Мне казалось, словно меня лишили какой-то внутренней сути; содержания. И я уже напрямую подошел к желанию любым способом, разрешить конфликт с самим собой... Конфликт, с которым я был вынужден жить тогда. Конфликт, который, по сути, остался у меня и до сих пор. Но тогда мне казалось достаточным совсем незначительного усилия, что бы мой мозг - не справился с возросшим давлением... И требуется совсем немного, чтобы черепная коробка,-- треснув,-- раскололась вместе со

своим незадачливым содержимым... И уже холодный пот побегал по моему телу... И мне становилось холодно... А потом - жарко... Потом, вновь - холодно... А вскоре и вовсе "ничего не становилось"... И на какую-то "реальность",-- я словно наблюдал "со стороны"... А она, почувствовав это,-- не только еще больше делала из меня "стороннего наблюдателя",-- но и вовсе насмеялась надо мной... А у меня даже не было сил - что-то противопоставить ей... И затуманенными от страха глазами - я молча взирал на происходящее... А если и пытался что-то прокричать в ответ - то это был даже не крик... И не шепот... Это был немой стон отчаяния... Беззвучный стон,-- разуверившегося в себе человека...

Но самое страшное было то, что мне совсем не хотелось возвращаться в реальную действительность... И вдруг стало намного удобнее - находиться в каком-то другом... Своем... Иллюзорном мире... Тем более, что я как будто,-- и привык к нему... Хотя, пока еще и понимал, - что начинаю просто-напросто сходить с ума... Но у меня уже совсем не оставалось сил - остановить, задержать, изменить - "уходящее мгновение"... Даже несмотря на то, что я видел происходящие события - в каком-то замедленном темпе... И было это настолько медленно,-- что даже пугало меня... И когда я всерьез (насколько мог быть серьезным в том своем состоянии) осознавал, точнее, должно быть, замечал - как *действительность* начинала вращаться передо мной - тотчас же мне становилось даже как-то легче... И создавалось какое-то обманчивое убеждение (причем, я верно догадывался что оно обманчивое) о готовящемся снизойти на меня просветлении... Но уже только стоило мне почувствовать что-то похожее, как меня пронизывала опустошенность. И ничего кроме нее,--

уже не было. Не было тогда. Как не было - и сейчас. И я, чудак, действительно ничего не могу (несмотря на прошедшие годы) ей противопоставить... И уже мое новое теперешнее состояние, (напоминая состояние испытываемое когда-то), начинает уводить меня в детство... В то далекое детство, - в которое я уже и не думал вернуться...

Но с каких-то пор я научился справляться с таким состоянием... И симптоматику пограничной тревожности - заглушал творчеством. Удачно сублимируя в героев - собственную патологию. Но тогда... Тогда я действительно ощущал, что смогу прекратить страдания только одним способом - самоубийством. И вместо того, что бы отговаривать себя - я еще больше убеждал себя в том...

В итоге, я все больше уподоблялся людям, которым ничего, как вроде бы, уже и не "хочется"... Не хочется жить; сопротивляться; цепляться за жизнь... А то, что "хочется", - кажется (отчего-то) - нелепым и безнадежным... И уже чувствуешь боль - какую могли только испытывать мученики в средневековье... За исключение того, что эти пытки - внутри тебя... И ты уже понимаешь, что, как будто, и не можешь терпеть... Совсем не можешь... И задаешься вполне долгожданным (в страданиях) вопросом: а надо ли?.. А потом приходит ощущение, что твое появление на свет - было просто ошибкой... Случайной ошибкой, - которую предстоит исправлять - тебе же... И ты уже начинаешь на полном серьезе обдумывать - как же тебе исправить эту ошибку?.. И в твоей голове проносятся различные варианты... "ухода из жизни"... Но что-то тебе мешает - остановиться хоть на одном из них... И уже от того,-- ты

внезапно начинаешь ощущать, -- что, как будто бы, и ни на что не способен... Но тебе хочется умереть... "Умереть, уснуть... И видеть сны...". И ты понимаешь, что в том, что ты еще "жив" - должен быть "благодарен" только снам. Снам, от которых еще вчера и открещивался... А ночью противишься их наступлению... И уже совсем не спишь... Но... как никто другой ты понимаешь, что именно сны - твое спасение!.. Потому как - у тебя уже не осталось другого пути... Другого - способа выжить... Та почему не пожить хотя бы во сне?.. Хотя... жить тебе вроде как и не хочется... И тогда ты, вновь и вновь, начинаешь предпринимать попытки... противостоять...

Чему?.. Чему ты хочешь противостоять?.. И к чему - может привести твое невротическое безумство?.. Тем более... Тем более, я все больше и больше ожидал, что когда-то случится так, что мне уже и не нужно будет чего-то ждать... А я... Я буду одинаково сумасшедшим,-- и в реальной жизни, и в иллюзорном мире, и в своих снах... Подобной "гармонии", в принципе быть просто не может. И это я тоже знал. Потому как, что наша жизнь в иллюзорном и выдуманном мире,-- если не стремление избежать болезненной реальности - в настоящем мире. В действительности. И я всегда знал, что пройдет еще какое-то время, - и все мои "состояния" - повторятся вновь... И уже видимо этого "повторения", я больше всего и боялся... Ибо был уверен почти наверняка,-- ничего подобного я больше не выдержу... Так зачем мне было жить?.. Зачем?.. Неужели только для того, чтобы вновь и вновь - испытывать все это?! Испытывать одну и ту же (непрекращающуюся) боль... Нравственные страдания... Внутреннюю - ничтожность... Потому как знал я (и был уверен), что это все - не сможет так просто

исчезнуть... Да и в этом ли,-- заключалось только мое желание?.. Что эта боль из себя представляла?.. Да ничего!.. Пшик!.. Но именно этот "пшик",-- мне не давал покоя... И он все бередел и бередел мою душу... Которая, должно быть, и не должна была успокаиваться... В этом - было какое-то нелепое (и злое) *предназначение* свыше... Да и что ее могло успокоить? Я не знал...

Как, впрочем, и не знал того, что когда-то я все же смогу избавиться от (собственных) страданий... И уже думаю, что и мой внезапные (для кого-то) отъезд в другой город (когда необходимо было поступать в вуз) - объяснялся именно подсознательным желанием вырваться "из ада"...

Нужна была "смена обстановки". И та "новая обстановка",-- которая вскоре произошла - действительно помогла мне.. Нет, она, конечно же, не спасла меня от боли... Но смогла отдалить возрастание ее... И как долго будет так продолжаться, когда ожидать мне повторения кошмара души - я не знал... И даже думать об этом - опасался... Да что там,-- я попросту боялся... Боялся вновь оказаться один на один с той безысходностью, от которой уже и не мечтал избавиться...

Глава 34

Последующая, друг за другом, смерть моих близких друзей (только после их смерти я смог оценить масштаб случившегося), заставило меня (да и не только меня - схожее состояние испытывал и Бернштейн, и Безроднов, и Розенблюм, и,-- почти обезумивший,-- Айзеншпиц. И даже Панин. Не говоря уже о Юрине,

который,-- почти тотчас же после услышанных "известий",-- слег в больницу. Психиатрическую. Куда, по сути, следовало отправляться и нам) всерьез задуматься о внезапности наступления этой самой смерти. Смерти, на которую, признаться, я раньше, вроде как, и не обращал особого внимания; считая себя (для нее), что-то на вроде: "персоны нон-грата", и при любом повороте событий, знал, что меня это никак не заденет.

Задело... Да еще так, что судорожно и хаотично принялся доделывать (до-зо-вер-шать) все свои, "отложенные до времени", дела; находясь в уверенности, что как раз сейчас -- это "время" и наступило. Ну, или, готово было наступить. Так что, пришлось, как бы на время, "выпадать" из текущей жизни. "Делая жизнь" - прошедшую. (Ну, или, в какой-то мере *прошедшую*). Да и что из себя представляют, эти самые, "неотложные дела"?.. "Две полу-фразы, полу- диалога...". И, главное. Насколько я понимал, мне совсем не обязательно было кому-то показывать, что я действительно испугался. Конечно же, нет. Да и "боязнь", по сути, была не свойственна мне... Но я всегда желал, чтобы никто не знал моих истинных чувств... Каких-либо переживаний... Полагая, что свою душу совсем незачем раскрывать перед кем-либо... Причем, в большей мере, это было продиктовано чувством самосохранения... Ведь, "открываясь", - мы становимся беззащитными... Доступными, для "атак" недобросовестных людей. Да еще и сами, словно показываем им,-- куда они - при случае - могут нанести удар... И ведь вы можете попасть "на крючок" какому полу- параноику и (или) полу - мерзавцу... И уже никто не сможет гарантировать, что у этого негодяя (в самый "неподходящий" момент) не перещелкнет "трамблер" в

его деструктивных мозгах... И он не попытается во что бы то ни стало - подчинить вас себе... А то еще, и он будет всячески оправдывать свое манипулятивное желание... Объяснением, например, "волчьих законов - современного мира"... (Хотя что вам тогда будет и до законов, и до мира...).

И уже потому,-- я предпочел "не рисковать"... И сидел сейчас один, в своей квартире, и старался... ни о чем не думать...

Я хотел стереть из своей памяти, мешающие мне воспоминания... И... *наслаждался*,-- этим, своим, "желанием" ...

Но мне действительно нужно было успокоить разбушевавшиеся мысли... И иного способа - я как будто - не видел... А эти мысли... Эти паскудницы,-- словно подозревая о моей беспомощности,-- наслаивались друг на друга, не только подчиняя меня своему хаотическому бегу, но и внося и без того тревожное состояние - в мою израненную и беспокойную душу...

И быть может, я был бы и рад успокоиться... Только не мог... Или (что вернее), где то там, в подсознании,-- не хотел. Ибо подобное*успокоение*, на мой взгляд, было сродни самому откровенному предательству... На что я бы (тем более - по отношению к себе) никогда бы не решился... А значит, если уготовано судьбой (в которую я, в общем-то, никогда не верил) страдать, то значит следовало страдать. И во что бы то ни стало,-- терпеть эту боль... Ожидая, вероятно, (подспудно), что вслед за ней (а не за моей *непокорностью*), придет... успокоение... Успокоение - через покаяние... Успокоение - как синонимическое родство - покаяния... И никак иначе...

А быть может,-- и не о том я вовсе?! И все навсегда останется так,-- как сейчас... И уже не в силах буду я - что-то изменить... А значит... А значит,-- и не наступит никогда "эра милосердия"... Ведь что хорошо для технического способа усовершенствования слова (а, быть может, и вытягивания композиции), то почти неприемлемо для настоящей жизни... Но тогда - что такое жизнь, не иначе как - беспорядочная цепочка злоключений... И стремлений - вырваться из Фрейдовского "эдипова комплекса", обогнув Адлеровский "комплекс власти" и "комплекс неполноценности", и, присовокупив сюда, некое производное Юнговских "архетипов", Кохутовской "самостью", Хорниевской "базальной тревожностью", Кляйнианским "маниакально-депрессивным психозом" ..,-- вырваться от всего этого на свободу... Воспарив в свободном полете... Так, что никому не оказаться подвластным и доступным... Никому... И, быть может, уже и не принадлежать и самому себе... Отдав себя - "на откуп" миру...

Но будет ли это когда осуществимо?.. Потому как нет ничего страшнее и обиднее - как осознание не осуществившихся надежд... Несбывшихся - надежд... Хотя надежды... Надежды всегда и должны оставаться таковыми... В этом некая специфика - сущности - их существования... Хотя?..

Глава 35

Если совсем даже не учитывать то, что могло получиться в результате всех нынешних событий (имея в виду, прежде всего, общую оценку происходящего),

то, вероятно, все остальное складывалось, в принципе, удачно. Дела в институте шли удачно (недавно получил предложение "возглавить кафедру"), в коммерческих структурах,-- тоже намечалось повышение (стал замом директора фирмы, оставшись на должности "главного экономиста",-- в одной; и получил более чем "свободный график" - в другой). В психологическом центре... Впрочем, там тоже все складывалось удачно... И повода ни для тревог, ни для беспокойства - не было. В учрежденном мной (вернее, я один из учредителей) центре политехнологий - вообще считали, что я только этим и занимаюсь. (На время моей работы пришлось выполнение нескольких крупных заказов. Один из которых,-- избрание нашего клиента - на пост вице-губернатора одной небольшой области...). Да и работа в редакции... (По итогам минувшего,-- 2003,-- года, мы вышли на одно из лидирующих позиций среди журналов нашей направленности...).

Так что,-- можно было торжествовать победу. Правда, то, что "победа" достигалась ценой жесточайшего невроза (нервы были не только натянуты, но и казалось навсегда зависли в таком положении),-- об этом никто не знал. Да и не должен был знать.

И тогда только внезапная смерть двух моих друзей,-- на время выбила меня из колеи...

Впрочем, я и сам замечал, - что подступает "предел". И продолжать жить в таком ритме дальше - попросту не выдержу.

Хотя (словно себе в оправдание), я мог сказать, что сложившееся положение с несколькими "работами",-- было и оправданно. Оно вообще, быть может, было необходимо мне?.. Реализуя поставленные

задачи - я мог (на время) абстрагироваться от внутренних противоречий. Искусственно заглушая их -- работой... И тогда, почему бы мне не посчитать лишение себя свободного времени - не иначе как... психотерапией... Тем более,-- что помогало...

Впрочем, психика все равно не выдерживала. Теперь уже - "перегрузок"... Сигналя мне различной (пограничной) симптоматикой... (На которую я раньше, вроде как, и не обращал особого внимания...). Но теперь - с каждым днем становилось только хуже... А потом начались те страхи, которые я с таким внутренним самоудовлетворением (ошибочно полагая их неприемлемыми для себя) констатировал у других.

И я уже просиживал дома целыми днями... Боясь, иной раз, пошевелиться - и "выдать" свое расположение...

У моей мысли не было даже возможности за что-то "зацепиться" (имею в виду перспективу чего-то положительного, что смогло бы вывести из оцепенения). Я чувствовал наступление депрессии. Депрессии, которую я, признаться, неосознанно боялся. Быть может предчувствуя, что "выход" из нее - затянется... (А то и настолько, что и выбраться окончательно не удастся...). И уже опасность наступления депрессии (а равно и того, что она с такой бесцеремонностью вытягивает за собой), словно дамклов меч, грозило вечно висеть надо мной...

И я всячески противился повторению чего-то подобного... И как выход - стал отгонять от себя "упаднические" настроения... Рисуя в своем подсознании - какие-то излишне радужные - перспективы...

Но в том "состоянии", они мне не казались такими. И я наивно верил, что все действительно изменится...

Скажу сразу, что в какой-то мере мне действительно удалось (не избежать - но отдалить) слишком уж мрачные перспективы. Правда, я старался "ни о чем не думать"... И в какой-то мере (так я ошибочно полагал) это мне удавалось... И значит, я мог торжествовать хоть относительную,-- но победу.

Но надолго ли?..

Глава 36

И, тем не менее, я мог заметить, что за кажущимся ухудшением общего состояния и наступлением тревог да волнений, по всей видимости, скрывалось нечто большее. То,-- что, быть может,-- и *заставляло* жить. И это, конечно же, не любовь (подобное чувство я уже давно боюсь и отвергаю); и наверняка, не какая-то там (абстрактная) "вера к жизни" (была ли она вообще?). Скорее, это было нечто, сложно определяемое; что, наверняка, подсознательно воздействовало на мою психику. Как раз и давая возможность - существовать.

В несколько дней я "разобрался" со своими многочисленными "работами". Куда-то пропало желание "играть". И невероятно сильно захотелось пожить всего лишь одной жизнью. Не деля ее с другими; и не пытаюсь прожить за кого-то. (Хотя это была моя жизнь, и распорядиться я ей всегда мог "по своему усмотрению").

Из того, где я еще оставался работать - был Университет (от должности зав.кафедрой я отказался), да, пожалуй, и все. Как-то разом, быстро и незаметно, и почти что в одночасье, - пропало желание что-либо скрывать. И я не противился этому желанию.

Глава 37

Однако, через нескольконедельной (жуткой) апатии,-- я вынужден был вернуться к прежней жизни.

Обойдя всех недавних "работодателей", я без труда вернул их расположение. И у меня опять стало несколько имен.

И как раз именно в этом, стала таиться новая угроза. Я как-то внезапно начал путать себя - с собой. И в причине подобного, конечно же винил состояние собственной психики. Состояние, в которое я загнал себя исключительно сам. Но иначе я уже и не мог. И теперь, если мой мозг не "включался" в течение дня на "полную мощность",-- я чувствовал настоящую неудовлетворенность (как минимум). И уже готов был "лезть на стены" - в желании найти какое-то успокоение. Заглушить боль начинавшихся противоречий.

И уже как раз тут и произошел тот "казус", который, на мой взгляд, являлся следствием моего невроза.

Случилось так, что на всех своих "работах",-- я вдруг начал, после возвращения, играть какую-то новую роль. (Обратную, чем успел запечатлеться в памяти коллег). Раньше я придумывал определенную модель поведения для каждой "работы". И следил, чтобы случайно не вылезти за пределы рамок, которые

дозволялись сформировавшимися стереотипами о себе. Теперь же я запутался. Точнее,-- запутал сам себя.

Где я был? Кем я был? Кто были люди, окружавшие меня?

Причем, у меня не только изменился характер. Я вдруг понял, что лишился способности продумывать свои действия (залогом прежнего успеха было умение опережать на пару шагов противника). Теперь же, я был вынужден играть одну, сложную и многоплановую, роль. Которая, вероятно, и должна была (хоть как-то) объединить различные черточки моего характера. Задействовав и то, что, доселе, находилось в латентном состоянии. И уже каким-то совсем чудодейственным образом,-- собираясь манифестировать их.

Абсурд? Абсурд. Но в этом абсурде мне приходилось жить.

И уже вскоре я себя окончательно запутал.

Но вот что интересно. Наряду с - грозившей мне - ситуацией потери "контроля", я как будто наоборот,-- стал испытывать какую-то...*внутреннюю удовлетворенность*. Быть может даже - *умиротворенность*.

И такое состояние явилось для меня полной неожиданностью.

Но уже вслед за этим (новым) "состоянием", я как-то быстро стал понимать, что дальше - "тупик". Самый настоящий "тупик". Ибо ситуация стала запутываться самым загадочным (насколько загадочно само подобное существование) образом. И что уж точно,-- тогда я совсем даже не догадывался, к чему это может привести. (Вряд ли думал, что - к "тупику"). Ибо и само "тупиковое" понятие, следовало, как минимум,

рассматривать с нескольких позиций. То есть, как с позиции *неразрешимости* (и даже бесперспективности попыток); так и с позиции -- *относительности*. И уже потому - мне казалось - вполне можно было и "побороться".

Что я, в общем-то, и пытался делать.

Глава 38

Семен Самуилович Розенблюм был в Петербурге. Сказать, что ему нравился или не нравился этот город,-- было равносильно не сказать ничего. Ибо уже давно (шутка ли - 40 лет за плечами) Семен Самуилович об этом даже не думал. Да и, признаться, о чем-то "таком",-- он размышлять не мог. Считал это "ниже своего достоинства"...

Уже долго (последние пять?.. шесть?.. лет), Розенблюм находился в состоянии внутреннего хаоса; который наверняка, самым незадачливым образом влиял на Семена Самуиловича. Так что, для него уже было почти неразрешимо поймать суматошные мысли. Каждая из которых, появившись лишь на мгновение (и, быть может, только для того, чтобы "отметиться"), почти тот час же скрывалось. Причем настолько тщательно, что Семен Самуилович (сколько ни пытался) не мог отыскать даже ее следа.

Но вот с недавних пор, он перестал об этом переживать. Переживать и о том, что (по приезду в Россию) - совсем не был способен заниматься какой-либо деятельностью. А вскоре, купив домик где-то "под Лугой", и вовсе теперь находился все время там. И не то, чтобы его не прельщали "огни большого города..."?! Нет. Хотя и говорить об этом имело смысл лишь в том

значении, что для Семена Самуиловича вдруг разом потеряло все какой-то (некогда -- единственно оправданный) смысл существования. Да и само это "существование",-- стало в тягость. (Хотя то, что произошло,-- было заранее *прогнозируемо...*). Ошибочным было бы полагать, что все случившееся было "внезапным"?! Я знал Семена Самуиловича уже много лет. Как знал и его умение просчитывать все до самых мелочей. (Хотя, как вроде, собственную "психику" и не присчитаешь...).

И уже тогда (при самом пристальном взгляде), картина его жизни - вырисовывалась не очень приятная.

Почему "при самом пронизательном взгляде"? Да потому, что был Семен Самуилович - невероятно скрытен. И что-либо разгадать в мотивах его поведения,-- возможно было,-- лишь при условии тщательного сопоставления (отмеченных ранее) деталей. (Уточняя что-то, при случае, "наводящими" вопросами).

И при этом требовалась должная аккуратность, чтобы Розенблум - ни о чем не догадался.

Таким образом, постепенно передо мной раскрывался образ Семена Самуиловича. И я уже не видел в нем агрессивности, которая отпугивала большинство "любопытствующих". А то и наоборот, - передо мной (достаточно четко) вырисовывался внутренний мир человека,-- невероятно ранимого и незащищенного. С огромнейшим (довлеющим над ним) комплексом вины, и неуверенности в себе. К тому же, весьма просматривалась фобийная зависимость. И, как подтверждение этому, сидел Семен Самуилович в своем недавно купленном домике, и не хотел ни с кем

встречаться. (Хотя возможно ли было сказать, что он вообще хотел?..).

Я всегда удивлялся, насколько "скрытность" Розенблюма - проявилась в последние годы. Ведь раньше,-- (студенческие, постстуденческие годы),-- Розенблюм был наоборот - невероятно общителен. И все, кто его знал тогда (да, в первую очередь, и я сам), отмечали невероятную "разговорчивость" Семена Самуиловича. Умение использовать свой (огромнейший) словарный запас. Притом, что он тогда, - не испытывал никаких затруднений. В том числе,-- и чтобы расположить к себе человека...

Так что же случилось сейчас?!

Сколько я не раздумывал об этом,-- причина напрашивалась одна. Патологическое расстройство личности. И чего в Розенблюме было больше - шизофрении или паранойи - я не знал. И даже не пытался определить. Был Семен Самуилович мне другом. А разгадывать подобные "загадки" у друзей?..

Тем более, что я давно уже отметил удивительную закономерность: вокруг меня консолидировались люди, так или иначе, имеющие какое-либо психическое отклонение (от нормы). Правда, замечу, саму "норму", мы чаще всего трактуем исходя из непохожести или похожести на нас (в зависимости от того,-- признаем ли наличие какой психопатологии в себе). А потому, границы ее, не только невозможно четко установить (если мы не врачи-психиатры, психотерапевты, или психоаналитики), но и находились они - в извечном движении. Смещаясь (то в одну, то в другую сторону) зачастую, по "не зависящим" от нас - причинам.

Да и, по сути, мерить "норму" по неким усредненным позициям (развитию "среднего" человека)?.. Ну, неправильно это что ли... Ведь тогда, получается, что и мысли этого человека (а мысли - это некий продукт, результат, следствие работы мозга) - будут точно такими же "усредненными". Тогда как какая одаренная личность, - наверняка будет заметно отличаться от большинства (выделяясь из массы). А значит, просто - напросто, будет не попадать в установленную "кальку" границ и "разрешенных требований". Как раз, вероятно, и создавая впечатление, что подобная личность,-- балансирует на грани безумия... Что, конечно же, может быть ошибочно. Потому как, во-первых, быть на грани безумия - еще совсем не значит, что являться "безумцем". (Хотя, для кого-то, это и привычное состояние). А во-вторых, - что для одного человека вполне *естественно*,-- для другого может быть патологией. Так что, заметьте, так сказать, разницу...

А потом, личность "не понятная" для окружающих - почти всегда в чем-то *исключительная* личность. И Семен Самуилович, вероятно, как раз и являл собой, пример подобного "исключения". Правда, он как-то удивительно тяжело переживал за свою *непохожесть* на других. И уже это его *беспокойство*, вероятно, только усиливало его проблему. А он ведь должен был с ней не только жить. Но и... смириться. С существованием ее...

И Семен Самуилович это понимал.

Глава 39

Я не мог даже представить себе, что же такое сделал Юрин, отчего у Розенблюма была столь выраженная нелюбовь к нему? И что вообще скрывалось за этим?..

Семен Самуилович, действительно не любил Юрина. И это, по большому счету, было странным и загадочным, особенно если знать о той дружбе, которая объединяла этих (быть может, и действительно разных) людей. Причем, насколько я мог судить, дружны они были с детства. Где и как "познакомились" я не расспрашивал, но, по некоторым отдельным моментам, сделал почти безошибочный вывод: дружили они долго, как-то излишне страстно, и... ходили даже некоторые слухи... (Но слухи как-то передавать не хочется...).

Как бы то ни было, сейчас Розенблюм с Юриным находились в самой настоящей вражде. Причем, справедливости ради, можно было бы все же признать инсинуацию подобной конфронтации,-- со стороны Розенблюма.

Что же касалось Юрина, то со всей ответственностью можно было предположить, что он совсем и не подозревал (сомневаться в подобном у меня не было никаких оснований), что вызвал какое недовольство у своего недавнего товарища. И так можно было подумать даже не потому, что Гай Романович Юрин был человек добрый, и мягкий (даже слишком мягкий). И не потому, что затаить какую злобу,-- он не мог, что называется, по принципу. И даже не потому, что в своем отношении к жизни -- казался сущим ребенком. Но ведь,-- нашел же Розенблюм что-то, что заставляло его видеть в Юрине "настоящего противника" (как выразился когда-то Розенблюм, видя мои неудачные попытки выяснить, что же между ними

произошло?). И это уже казалось действительно серьезным.

И я уже мог заметить, что ни одно из "объяснений" Розенблюма,-- меня не устраивало. Причем, последнее его утверждение (о том, что, такие как Юрин - мешают развитию человечества), признаться, не только не приблизило меня к разгадке, а еще более отдалило.

Как я должен был интерпретировать подобный ответ? И я уже подумывал опросить "вторую сторону"; теща себя надеждой, после бесхитростного ответа Юрина (уж он-то никогда не лгал),-- смогу найти тот "волшебный ключик", который и сможет мне "все объяснить". А значит,-- и смогу "помирить" (ожесточившихся друг на друга) недавних товарищей.

Но... Я, внезапно, обо всем догадался сам. И, надо заметить, все это не слишком прибавляло авторитета Розенблюму. Как, впрочем, и достаточно нейтрально задействовало самого Юрина. Но уже было известно мне почти наверняка, - оставь я ситуацию в том виде, как она была - и... мне бы казалось, что я "совершил преступление". Ибо, конечно же, (как я и подозревал) Юрин был ни в чем не повинен. Да и у самого Розенблюма вина (если это допустимо было интерпретировать подобным образом) находилась скорее, где-то на подсознательном уровне.

И уже тогда получается, что, Розенблюм, - наблюдая в Юрине отрицательные черты присущие себе - инстинктивно стал избегать того. А чтобы "угovorить" себя "в необходимости подобного желания" (все-таки, они были друзьями), - вынужден был придумывать *необоснованные* (но *значительные* по своей сути) "доводы".

Именно это - как я понял - и способствовало *отдалению* друг от друга двух недавних друзей. И уже в основе этого "отдаления", - просматривался страх. Страх, который имел невероятно много форма своего "разветвления"; потому как, форма страха, обнаруженная (мною) у Розенблюма, носила совсем иной характер, чем, например, у того же - Безроднова. И была совсем отличная - от страха Бернштейна. Почти "ничего общего", не имела со страхом - моим. Да, быть может, был это у него - и не страх вовсе. Ну, в смысле, не совсем чтобы страх. Так, какая-нибудь (легкая) фобийная зависимость. (Которая, в иных случаях, может и не проявиться при жизни)...

Что до Розенблюма и Юрина, то мне их удалось помирить. Хотя это - уже и не имело никакого значения. Потому как в один из дней, Семен Самуилович пришел ко мне... попрощаться. Он возвращался в Израиль...

Глава 40

Я, наверное, никогда не считал (а если было что подобное раннее, то, сейчас понимаю, - было это заблуждением), что мое состояние психики - как-то отличалось от "подсмотренного" у других. Нет, конечно же, я ошибался, - если находил раньше какое-то "сходство".

Тем более, мне становилось это понятно с теми прожитыми годами, с которыми я "вынужден" был *расставаться*. Нет, не подумайте, в этом совсем не было какого-то *сожаления*. (И даже ничего схожего с

подобным чувством). Совсем нет. Чего-то подобного действительно не было. Вот только с каждым днем, приходилось все больше задумываться, чем я обязан (и кому?) тем, что начало происходить с моей психикой? Однако никто не должен решить, что я "преувеличиваю". К сожалению, это та самая настоящая (и нелицеприятная) правда, которая когда-нибудь окажется способной подвести черту под неким "переосмыслением" прожитого. (Хоть здесь и не должно быть такой уж "слезливой печальности"). И уже если смотреть в будущее, то все мои годы - не иначе как борьба, в самых что ни на есть,-- экзистенциальных проявлениях. Борьба... Борьба с этим миром. С "действительностью". Быть может, в некотором роде, даже - обыденностью. (Хотя, стремился ли я когда - по настоящему воспротивиться ей?).

Уже лет десять (как минимум) я жил во внезапно начавшемся разладе моего истинного Я - с окружающей действительностью.

Можно даже заметить, что никогда особой конфронтации и не было. Был не совсем удачный "поиск" *согласия*. И - теперь уже стоило заметить - давался мне этот самый "поиск", с большим (и так нереализуемым до конца) трудом.

Тем более, если замечать (и относиться к своей персоне с уверенной долей "правды"), то следовало бы признать, что это мое состояние,-- не было таким уж *внезапным*. И тогда уже почти наверняка, истоки следовало искать в детстве. В коем, по всей видимости, и зародились ростки проблем (но ведь не было разлада с самим собой. Не было. Быть может потому, что этого я

как раз больше всего опасался. И уже потому - старался всячески предупредить), которые аукнулись столь незамысловатым образом в будущем.

Но что мне было делать тогда? (В общем, это "тогда" - почти одно и то же что и "сейчас"). И вероятно, тогда, когда я самый первый раз ощутил в себе некое разрывающее меня изнутри чувство, (чувство тревоги и внутреннего беспокойства), то я вовсе и не понял, что на самом деле произошло. Просто стало мне вдруг как-то грустно (быть может, и от всей этой внутренней *неустроенности*), и порой до тошноты... обидно.

Причем, по всей видимости, причину подобной обиды - стоило искать только в самом себе. И это почти означало, - что только я сам мог себе помочь. (Если бы только тогда, когда это все "начиналось", я смог разобраться в случившемся? Но как такое можно было предвидеть?..).

В принципе, я довольно "честно" искал пути спасения.

Я подолгу анализировал свою собственную психику; искал начало своих отличий от остальных. И уже (как раз в этом) можно было сказать, что подспудно (подсознательно) нащупывал ту (невидимую доселе) нить "арианды", которая должна была меня вывести обратно.

То есть, можно было сказать, что я неким таинственным образом отождествлял все время свою экзистенциальную борьбу с игрой. Ошибочно полагая, что всегда смогу вернуться назад. Обратно. И совсем не заметил, как ступая, в принципе - по ложному пути,-- забрел в те невидимые дали, от которых если и был путь

обратно, то только уже был он, во--первых, совсем иной "по характеру возвращения" (а отсюда, и само "возвращение" было обличено в некие, достаточно сложные - если не сказать - таинственные - рамки), а во-вторых, быть может, уже и не было уже этого самого "пути назад" (в привычном понимании этого слова). И уже почти наверняка, должен он был являть собой, некий таинственный симбиоз хитросплетений, который и не разрешался совсем уж простым и обыденным образом (как говориться - поворачиванием вспять), а представлял из себя достаточно сложную загадку; у которой и ответа-то - не было. А значит, уже почти наверняка предстояла самая настоящая борьба. Борьба, у которой, быть может, и не было победителей. А если и было какое-то подобие их,-- то все представлялось мне совсем уж запутанным. Таким, к чему так сразу,-- без предварительной подготовки, - и не подойдешь. Правда, вся сложность, быть может, и заключалась, что эта самая "предварительная подготовка" растянулась на несколько десятилетий. Пока я не понял, что вопрос надо решать. Вполне опасаясь, что - иначе,-- он мог и не решиться вовсе.

Глава 41

И все таки,-- было что-то в этой, по детски наивной внешности Юрина. Да и сам Гай Романович, - особенно если взглянуть в его глаза, - казался случайно повзрослевшим ребенком. (Несмотря на минувшие, недавно, 40)...

А ведь, если разобраться, он никогда и не был таким уж выдумщиком да авантюристом. Это, как говориться, вам не Яша. И уж тем более, за внешностью

(такой, быть может, до наивности незащитной) Юрина, скрывалась та чистота суждений, которая привела бы его напрямик в рай. Надумай, например, что с ним внезапно случится.

И, надо заметить, стоило мне только подумать о том, как почти тотчас же (до боли невероятное совпадение) узнал я, что Гай Романович Юрин... погиб. Погиб при загадочных обстоятельствах. (Нашли его в собственной квартире - недавно полученной по наследству от скончавшейся бабушки - с кляпом во рту, связанными - за спиной - руками, отчего-то выколотыми глазами, и тремя пулями в голове).

И я никак не мог понять, отчего принял он столь мученическую смерть. Ибо не должно было, на мой взгляд, быть повода, чтобы даже обидеть столь по детски наивного взрослого ребенка с косичкой и голубыми глазами.

Ну так кому тогда понадобилась его жизнь?

И почти тот час же (вслед за полученным трагическим известием) узнал я, что, в автокатастрофе, погибли Панин с Айзеншпицем.

Глава 42

Яков Соломонович Бернштейн давно уже мучился от своей беспомощности.

Можно было сказать, что подобное состояние служило лишь неминуемым следствием его давнишнего конфликта, между сознанием и подсознанием. Последнее,-- в эти дни все ярче заявляло о себе, очерчивая и без того размытые контуры *допустимой*

"патологичности" сознания. Того сознания, которое у него сейчас переживало "не лучшие дни".

Яков Соломонович внезапно (все, что не ожидаем, происходит как-то внезапно) почувствовал сильнейшее внутреннее опустошение. Если заметить - он и раньше испытывал нечто подобное. И, наверное, даже нельзя было сказать, что кое-что теперь проступало более... нагляднее, что ли. Наверное, все же нет. И почти тогда уже (как и все раннее) являлось это "новое" (все еще оставаясь таким же по сути), не иначе как следствием того, что так или иначе, существовало и раннее. Вот только подступиться к нему (для разрешения внутренних противоречий) он не мог. Как тогда, так и сейчас. А значит, давно уже следовало, как минимум, смириться с "бессмертными" проблемами. И даже, наверное, не считать их таковыми. Хотя, пожалуй, так вполне можно было говорить, если не знать, не чувствовать на себе того общего упадка, от которого Яков Соломонович теперь страдал все более и более.

С людьми он не общался. Он старался избегать их. С близкими... Впрочем, никого из его родственников я никогда не видел. И даже ничего не слышал о их судьбе (от, вроде как, и словоохотливого Яков Соломонович, что касается этого вопроса,-- почему то хранившего уверенное молчание).

И я теперь видел Бернштейна (исключительно) в одиночестве. Причем, видимо, он настолько свыкся с подобным состоянием, что я даже не замечал какой-либо тоски, грусти, печали, в его глазах. Хотя, быть может, оттого, что эти самые: и грусть, и печаль, были старыми спутниками Якова. И они словно срослись с ним. Ведь я и раньше не замечал, когда он улыбался... Да и улыбался ли когда? В его глазах,-- была заметна

лишь боль. Словно он только что (и в одночасье) потерял всех своих близких. Словно он (вслед за ними) потерял смысл жизни. Словно у него уже пропало и желание жить.

Но, как бы то ни было, жил, как я уже заметил, с подобным состоянием Яков Соломонович уже долго. И, пожалуй, уже и сам, настолько свыкся ним, что не хотел избавляться.

А я... Я не мог помочь ему. Хотя хотел. Я очень хотел, когда-нибудь сделать так, чтобы никто из тех, с кем я общался,-- не испытывал бы такого упадка, который... для всех для нас, был весьма характерен...

Да и что я мог поделаться? Ведь, прежде всего, необходимо было "излечить себя". И уже потом... Но вот что я думал по этому поводу... Знаете... быть может все складывается именно таким образом, что самого "исцеления" (в привычном понимании этого слова) и не наступит никогда.

И, в какой-то мере, я сам здесь оказывался причиной, так или иначе, препятствующей этому. Хотя бы потому, что я - где-то подсознательно - боялся наступления чего-то подобного. И за *избавлением*, я видел не иначе как (ошибался ли я?) угрозу потери своей *индивидуальности*. Ибо считал все это неким эксклюзивным правом, дающим мне возможности рождать те - неординарные по сути - мысли, коими я (при должных "раскладах") по праву гордился.

(Правда, видимо - уже мое, а не Бернштейна - состояние способствовало тому, что я вновь ушел со всех своих "работ". И теперь оставался только университет... да моя писательско-научная деятельность... Причем, в какие-то периоды,-- одно сменялось другим. Но уже через время, до того с жаром набрасываясь на науку, я внезапно охладевал к ней, и

теперь оставался способен только писать... Писать свои романы).

Нот каждый раз, мысленно обращаясь к Бернштейну, я замечал в его глазах какую-то потаенную грусть. И вот в этой самой затаившейся тоске, быть может, и был весь Бернштейн. Яков Соломонович Бернштейн. Мой близкий товарищ. Которому,-- я не мог помочь.

Глава 43

Я не искал, я никогда не искал легких путей. И даже там, где можно было порой и значительно облегчить себе задачу - я выбирал самое сложное направление. И в этом, почему-то, видел залог своего существования. Существования, которое я видел исключительно в борьбе. И вот уже вслед за этим экзистенциалистским видением, я находил путь, который, так или иначе, должен был привести меня к результирующей удаче.

Удачи в чем? В последние годы за (приоткрывающим тайны) бытием, я уже не видел по настоящему того, что могло меня спасти. И тогда уже, более чем явственно впереди маячил хаос. Но, быть может, именно все это, давало мне возможность невероятно мобилизоваться; а уже вслед за этим, я мог найти тот взгляд, который, должно быть, и не совсем должен был для меня открыться... И уже я видел (в случившемся),-- избавление от страданий... Страданий, так бередящих мою душу. И вот уже вслед за всем этим,

достаточно явственно (более чем) пририсовывалась дорога... Дорога в никуда...

Мне хорошо вспоминается один случай моего детства. И, по всей видимости, он в какой-то мере положил начало тем отношениям, с которыми я вступал в некую компромиссную борьбу со своим Я. И все это при том, что я изначально, как бы совсем и не думал об этом. Мне совсем не хотелось ни с кем бороться (а тем более с самим собой). Но как только я ощутил в себе самые первые ростки подобного "сопротивления", -- я уже готов был *подключиться*, весь "без остатка".

Было мне тогда лет двенадцать-тринадцать. Брату, Генриху, было чуть меньше. Причем это удивительно, у него никогда - ни тогда, ни теперь - не было каких-то проблем внутри себя. Можно было даже сказать, что он жил в полном единодушии со своим Я. И быть может, даже и в мыслях не держал возможности какого-то противостояния.

Тогда как у меня было все иначе. Задумавшись лишь раз над тем, что происходит, я с тех пор подсознательно стал все время искать ответы на многие, задаваемые себе, вопросы. И сейчас уже могу признаться, что, на большинство из них, -- ответы я искал всю жизнь.

В тот день мы с братом проснулись как-то особенно рано. Спать больше не хотелось. И, в принципе, мы, наверное, нимало были удивлены этому событию (потому как поспать всегда любили); и, перемигнувшись, - поняли друг друга с полуслова.

Давно мы уже собирались сделать это. И вот только сейчас, по всей видимости, как никогда все к этому располагало.

Быстро натянув спортивные костюмы (надо же было иметь алиби), мы вскоре уже шли по полусонным предрассветным улицам. До нашей цели (продуктовый магазин) оставалось менее минуты ходьбы, когда (у кого впервые? У меня?) появилось сомнения,-- в такой уж необходимости нашего "похода". Однако, в нашем "тандеме" был старший я; и, должно быть, мне тогда очень хотелось показать что-то типа примера бесстрашия. Хотя боялся я достаточно сильно. Но - не отступить же?!

Форточка, как мы и рассчитывали, оставалась открыта. Однако, именно тут, нас ждала первая возможность "отменить задуманное". Все дело в том, что (как мной было рассчитано) первым, должен был лезть Генрих. Как более худой. А затем уже он должен был открыть окно для меня.

Но оказалось, я совсем не учел, что занятия борьбой, значительно укрупнили моего младшего брата. И если я даже мог (да и старался) этого не замечать, то теперь столь неожиданные обстоятельства поставили меня, как говорится, перед фактом. Более того, - я оказался даже меньше (размеры были тотчас же - визуально - прикинуты Генрихом. И с ним мне пришлось согласиться) брата. А потому, по всем раскладам выходило, что лезть должен был я.

Предполагаемая минута колебаний растянулась, чуть ли не на десять. В итоге полез я. Но, оказавшись

внутри, услышал торжествующий крик сторожа, застигнувшего "на месте преступления" Генриха. По всей видимости, у "старика", - а в том возрасте, все люди моих нынешних лет, уже казались мне "стариками", -- были, видимо, какие-то свои причины радоваться "поимке злоумышленника". Может, он был только первые дни "на службе"; может, недавно поругался с "бабкой"; но уже решил он, перед тем как вести Генриха в участок,-- прочитать ему "лекцию" (о вреде воровства для пионера). Он повел его к раскидистым ветвям стоявшей неподалеку березы. Не знаю, как он представлял себе "процесс воспитания",-- но Генрих заплакал. Вернее,-- жалобно заскулил. А этот "здоровяк" (по отношению к нам,-- а Генриху не было еще и десяти лет) сначала треснул брата по загривку, а потом (одной ругой придерживая Генриха) стал вынимать ремень.

Но я уже был рядом. И, не предоставляя сторожу возможности продолжить свои действия,-- я (что было сил) вонзил ему между лопаток нож. (Нож я всегда носил с собой. "Подарок").

А, стоило сторожу ослабить хват, брат - словно только и дожидаясь чего-то подобного - дернулся, высвобождаясь, и не прошло минуты, как мы уже были достаточно далеко.

Стоило заметить, что "на дело" мы шли как "заправские" грабители, - предварительно пересмотрев все фильмы, которые шли по телевизору; а потому, и перчатки, и всю одежду с себя - сожгли в ближайшей лесополосе (квартиру нашей маме дали в новом районе, и вокруг стоявших кучкой нескольких девятиэтажек - стояли сады ближайшего совхоза, были поля, и лесополосы), переодевшись в тут же припрятанные (в

непромокаемых пакетах, неделю назад) запасные спортивные костюмы. Почти точно такие же (а те у нас еще в прошлом месяце "якобы" украли в школе после урока физкультуры. Мама тогда не стала жаловаться, - и купила новые. Почти похожие).

Да, мы еще побежали на стадион (надо было, "на всякий случай", засветиться там). И только потом - домой.

Сразу замечу, что вся история прошла для нас без какого-либо следа. И уж, конечно же, ни у меня, ни у брата не было никакого раскаяния (да и в чем?). Я вообще считал, что все сделал правильно. И при случае (лучше, что бы он не возник) сделал бы все точно также.

А что до брата - так он и не знал всего. (Ему я сказал, что ударил сторожа палкой). А чтобы он молчал...

Впрочем, мой брат всегда мог хранить секреты. И даже не такие...

И все таки этот случай, в какой-то мере положил начало той двойственности, которую я не только (подсознательно) отмечал в своих поступках, но и, в последующем, мог разделять свое поведение, как минимум, на два направления: одно - официальное, так сказать, "для всех", и второе... "второе" было известно только мне.

Подобное "сосуществование" продолжалось достаточно долго. Более того. Оно, в какой-то мере, осталось для меня характерно и до сих пор. Вот только стал я, в последние годы, иной раз путать одно с другим. И порой "играть" там, где следовало быть собой... "настоящим"... Загадка... Хотя эта, т. н.

"загадка", разрешалась удивительно просто. И в итоге, я - в один из дней, когда ожидаемый "компромисс" достиг *наивысшего накала*, - попросту решил "не испытывать судьбу". И жить - одной жизнью.

Но вот теперь уже, казалось, сама "жизнь" -- воспротивилась этому. И я вновь был вынужден принять прежние правила игры. Так, прежде чем мне предстояло совершить какие-либо действие (не назову это "поступком" только по "призрачным", "идейным", соображениям), я мысленно "проговаривал" всю схему совершения его - "про себя" (пытаясь предугадать "последствия"). И уже в зависимости от "привидевшейся" мне реакции, - "претворял" или "не претворял" его в жизнь. И, зачастую так выходило,-- что "не претворял". И тогда, иной раз, сердясь и ругаясь (про себя),-- я признавал методику *ошибочной*. Что не мешало мне с маниакальной настойчивостью,-- к ней возвращаться. Потому как,-- сдерживала она мои многие (конечно же -- "не нужные") поступки. А значит... Значит, было это и на пользу. (Как бы оно обернулось в ином случае?).

Но тогда же, почти наверняка, я знал, что "совсем не следует мне лгать". Хотя и нельзя назвать это было такой уж ложью (разве что "во спасение"). Потому как,- если смотреть на все с другой стороны (под иным "углом зрения"), -- было это, не иначе как, способом самосохранения. Да и как, иначе, это могло выглядеть?..

Впрочем, какая разница, как все это выглядело, или могло выглядеть? Ибо я уже не мог отказаться от этого; что почти означало, в том или ином роде - признания оно, моего, поведения; и выделения его в некий, быть может даже (а почему и нет?),-- "норматив"

поведения. За которым,-- и скрывалась самая настоящая жизнь. Что тогда, что теперь.

Ведь все эти годы, я стремился, не иначе как, "понять себя". Тогда как это самое "понимание", бывало, и отдалялось от меня; но я все равно находился "рядом". Ведь оно - помогало мне... выжить...

И, собственно говоря, что же тут было плохого? Ведь, если допустить, что жизнь в гармонии (не очень-то мне нравится это слово) с собой и есть итоговый поиск философии в целом, то, вроде как, становится и оправданным все.

Тогда как можно было (при желании) взглянуть на все и с совсем иных позиций, но... Мы так делать не будем.

Да и что я мог поделаться со своим вторым "Я"? Вступать в борьбу? Глупо. Идти наперекор (что только усугубляет, оправдывая первое) - глупо вдвойне! Но и "смириться" было бы неправильным. А значит, следовало найти какие-то точки "соприкосновения"; и уже тогда (в смысле,-- в этом случае) явно просматривался бы и способ *существования* другого (следующего, остального, основного) пути. И уже, по всей видимости, было это чуть ли не единственным избавлением от надвигающегося (и, так или иначе, нависающего надо мной в течении всей жизни) кошмара разума. И вот почти наверняка теперь получается, что предотвратить этот самый "кошмар",-- я мог одним единственным образом. Что я, собственно говоря, и делал. А прав я был или неправ?.. Наверное, все-таки прав. Иначе жизнь была бы как минимум вдвое скучней. (Чего я, наверное, уже не мог - и не хотел, даже скорее, - допустить).

А в чем мне виделось "движение вперед"? Да, главное ведь, чтобы что-то не потянуло в сторону. Хотя и этого, должно быть, мне не грозило. (Уж "страховался" как мог). И все подобные "игры", мне почти не доставляли беспокойства. Ибо расценивал я это, не иначе как самую настоящую *необходимость*. Которую, вероятно, и "оправдывал" как мог. Чем?.. Ну это, вероятно, уже другой вопрос. Главное заключалось в том, что я без этого уже не мог. И тогда было понятно, почему расценивал (подобные) "игры", -- как "необходимость". Иначе, попросту, не мог.

Глава 44

Лев Маркович понимал, что ему сейчас - более чем необходимо - попытаться как-то структурировать свои мысли. Давно уже подходил тот период (как-то незаметно "откладываемый" им на потом), когда следовало попытаться разграничить *прожитое* - и *переживаемое* теперь; разделив, быть может, на ряд неких "составляющих", дабы в дальнейшем не допустить такого уж смятения, которое он испытывал (или - еще только начинал испытывать) сейчас. И все это почти означало - *предвидение* начала какому-то долгому "процессу"; имя которому, давала сама действительность. Какой бы она печальной теперь не казалась.

Розенталь почти молча (периодически издаваемые им вздохи - не в счет), сидел в кабинете своего недавно приобретенного домика (недалеко от Петербурга), обдумывая "теперешнее" житье. По всему выходило, что все недавние смерти, так или иначе, замыкались на нем. То есть, можно было сказать (хотя говорить о том не хотелось), что виновником всех этих

бед был сам Лев Маркович. И так выходило не только потому, что он "во что бы то ни стало" решил вдруг взять всю вину на себя; но и именно так получалось, если исходить из сопоставления этих самых фактов.

Была и еще одна немаловажная деталь (быть может, в какой-то мере, и сыгравшая роль в роковой "убежденности" Льва Марковича): все "погибшие", перед смертью, общались с ним (сей факт, Розенталь хранил в секрете).

Для кого-то это был телефонный звонок; кто-то написал ему письмо; к кому-то Розенталь заходил сам... А если кто *случайно* "выпадал" из цепочки "предсмертных общений", то Лев Маркович все равно считал виновным себя. Уже за это.

Вот это как раз и было сейчас причиной размышлений Розенталя. Размышлений,-- грозивших перейти в совсем уж философские дебри (с добрым оттенком психологической драмы). И, как правило, (опыт Льва Марковича в этих вопросах был немалый), грозивших перерасти в самую, что ни на есть, глубочайшую депрессию (которой, в принципе, Лев Маркович всегда боялся).

Но сейчас все складывалось по самому худшему сценарию. И обиднее всего - что ничего, что могло бы воспрепятствовать наступлению (точнее,-- повторению) недавних кошмаров - совсем не было. И трагедия ближайшей "перспективы",-- омрачало действительность, почти лишая возможности хоть как-то сосредоточиться. А ведь совсем недавно еще можно было рассматривать наступление чего-подобного - лишь как версию. Одну из версий сценария, по которому, в принципе, могла быть и не сыграна постановка. И можно было вообще,-- предотвратить... Нет... Так

далеко Лев Маркович не заглядывал... Да он почти уже всецело принадлежал и не себе даже. А неврозу, тем невротическим состояниям - которые подчинили его. И теперь с злорадством - диктовали свои условия.

И никакая "перспектива", его уже не радовала... Нисколько... А ведь необходимо было (хотя бы попытаться) начать предпринимать какие шаги, изобретая, быть может, что-то наподобие "противоядия".

Но ему действительно расхотелось заглядывать куда-то вперед. Требовалось жить исключительно настоящим. Которое на самом деле - было более чем безрадостным. И, быть может, Льву Марковичу как и раньше бы, ничего не оставалось делать, как смириться; но почти тогда уже (и наверняка) это означало бы... поражение; мое поражение... потому как - как только пропадают у нас надежды,-- исчезает вместе с ними и желание вообще к какому бы то ни было сопротивлению; а значит почти наверняка грозит наступление всех признаков (да и явной симптоматики) ужасающего состояния, имя которому... Впрочем, быть может "имен" и не хотелось ему сейчас слышать... Ибо и без того становилось понятным, что Льву Марковичу, на этот раз так просто не выбраться... А значит, придется испытать все на себе. Но... он еще продолжал на что-то надеяться. К чему-то стремиться... Но вот только к чему?..

И все же, какое-то решение напрашивалось. Оно уже мелькало в подсознании, на миг - словно дразня - проносилось перед ним; причем простое "сосредоточение" быть может, даже и было противопоказано. По крайней мере, все это грозило

тому, что в его мыслях - может совсем исчезнуть *надежда*. И получалось,-- что будущее и не придет. Его не было. Просто не было.

И Лев Маркович совсем запутался... Запутался в своем стремлении к *справедливости*... Которой он... и не видел...

"...На небосклоне пелена из мрака
И скоро небо разрыдается дождем

.....

Так и моей душе охота горько плакать
Со мной на пару... для меня..."-- совсем быть может, и не кстати пришли ему на память стихи какого-то неизвестного автора. Строчки, выхваченные из нескольких, некогда любимых им произведений. Названий которым он сейчас и не помнил... Но именно они, как ничто другое, отражали его теперешнее состояние. Состояние упадка и хаоса, в который он сам себя ввергал. И от которого, совсем неизвестно - будет ли когда избавление?..

По крайней мере сейчас - он такого не видел.
Как будет дальше?..

05 сентября 2004 год.

Зелинский Сергей Алексеевич.

© С.А.Зелинский. Исповедь без героя.

